Черный крест. 13 страшных медицинских историй

Автор:
Андрей Шляхов

Черный крест. 13 страшных медицинских историй

Андрей Левонович Шляхов

Приемный покой

Все описанное в этой книге – правда и действительно происходило в реальности. Тем страшнее читать жуткие подробности из жизни врачей. Маргинально криминальный сборник о самых интригующих, кровавых и жутких случаях в медицине, врачебных ошибках, маньяках хирургах и странных психиатрах, написанный бывшим врачом, который уже не боится мести коллег. «Если вы уверены, что под белым халатом спасителя не может скрываться черная душа убийцы, то немедленно закройте эту книгу и оставайтесь при своих заблуждениях. Не исключено, что вам удастся пронести эти заблуждения через всю жизнь. А может и не удастся… Правда жизни страшнее любых догадок. Вас не ужасает обыденность зла? Вам хочется увидеть изнанку медицинского мира? Вам и вправду нестрашно? Тогда у вас есть шансы понравиться этой книге, потому что она написана для вас! Черный крест – это тень, отбрасываемая красным крестом. И да минует нас участь сия…»

Андрей Шляхов

Черный крест. 13 страшных медицинских историй

Портрет готов. Карандаши бросая,

Прошу за грубость мне не делать сцен:

Когда свинью рисуешь у сарая —

На полотне не выйдет belle Helene.

Саша Черный, «Пошлость»

Исключения не только подтверждают правило, но и прекрасно его иллюстрируют.

Андрей Шляхов

Знающие не должны молчать вечно.

Лао Цзы, из неопубликованного, лежавшего на четвертой телеге

История первая

Маленькая ночная серенада

Гамлет:

Мне этого и враг ваш не сказал бы,

И слух мой не насилуйте и вы,

Чтоб он поверил вашему извету

На самого себя.

Уильям Шекспир, «Гамлет, принц Датский»[1 - Перевод М. Лозинского.]

– На сегодня все, – объявил старший врач. – Отработавшим счастливо отдохнуть, заступившим – счастливо отработать. Маркел Викторович, зайдите ко мне.

Из новой смены к концу «пятиминутки», по обыкновению растянувшейся на полчаса, уже никого не осталось – разъехались по вызовам.

– Уже иду, – буркнул Маркел, привычно не ожидавший от «персональной аудиенции» ничего хорошего.

По выражению лица старшего врача (если круглую самодовольную, вечно лоснящуюся рожу можно назвать лицом) было заметно, что предстоящий разговор не сулит ему ничего приятного. «Волнуешься, – не без гордой радости подумал Маркел. – Оно и верно – к опытным сотрудникам придираться – это не Сонечку по коленкам гладить».

Маркел работал на подстанции уже семнадцатый год. Пережил нескольких заведующих и старших врачей, а одного из заведующих даже выжил – не выдержав постоянной (и обоснованной, заметьте – обоснованной, ведь все знают, что Дисов зря языком трепать не станет) критики, тот свалил на Центр.

– Что, опять какой-то халдей жалобу накатал? – спросил с порога Маркел.

Дверь кабинета намеренно не закрыл – пусть вся подстанция слышит, как Дисов и без свидетелей держит себя с начальством.

«Запомни, сынок, мало уметь себя поставить, надо еще и других постоянно ставить на место», – учил отец. Маркел запомнил.

– Закройте дверь и присаживайтесь. – Старший врач сдвинул на переносице белесые брови и слегка раздул щеки, имитируя начальственный гнев. За привычку раздувать щеки старший врач получил прозвище «Пузырь», и вся подстанция за глаза называла его только так.

Маркел неторопливо закрыл дверь и так же неторопливо сел на стул, всем своим видом выражая презрение к собеседнику. Презрение, на взгляд Маркела, было обоснованным: когда-то, лет семь тому назад, именно под его началом нынешний старший врач делал свои первые шаги на «скорой». И звали его тогда не Константин Павлович, а Костя, и бровки он не хмурил, и щечки раздувать еще не умел. Он тогда вообще ничего не умел, кроме как кардиограф за Маркелом таскать и преданно заглядывать в его глаза. А теперь вот – человеком стал, категорию получил и в старшие врачи выбился. Холуй хренов…

– Насколько мне известно, халдеи давно вымерли и вряд ли способны написать на вас жалобу, Маркел Викторович, – «блеснул» своей эрудицией старший врач. – А вот наши сограждане нередко на вас жалуются. Да и иностранцы тоже…

– А на кого им еще жаловаться? – вызывающе прищурился Маркел. – На вас? Так вы же по вызовам не ездите, в кабинетике сидите, повышенный оклад вырабатываете…

Хорошо, когда позиции твои крепки и ты можешь позволить себе не лебезить перед начальством, а резать ему в глаза правду-матку и вообще – держаться независимо. Такими сотрудниками, как доктор Дисов, не бросаются. Грамотный врач, учился в Москве, а не в какой-то там Тьмутаракани. Почти двадцать лет «колесного» стажа, и ни одного прогула, да что там прогула – ни одного опоздания за все это время! К тому же Маркел никогда не позволял себе работать, будучи «под мухой» – нелепая гибель отца, утонувшего пьяным во время рыбалки, вызвала у Маркела стойкую неприязнь к спиртному. Даже в летнюю жару он предпочитал пиву квас или зеленый чай. Другого такого толкового, организованного, непьющего и согласного неделями работать в одиночку, без фельдшера, врача-скоропомощника не найти! Уж в чем-чем, а в этом Маркел был уверен твердо.

Старший врач предпочел не развивать тему жалоб. Молча порылся в стопке ксерокопий «спорных» карт вызова, лежащих перед ним, и, вытащив одну, перешел к делу.

– Семнадцатого числа в час сорок две вы выехали на вызов к больной Бутурлиной Вере Васильевне по адресу Актюбинская семнадцать…

– Семьдесят два года, плохо с сердцем, – перебил Маркел, давая понять, что прекрасно помнит гражданку Бутурлину. Еще бы не помнить… Занятная была старушенция.

– Жалобы на приступообразную жгучую боль за грудиной, иррадирующую в левую руку и левую лопатку. – Почерк у Маркела был четкий, совсем не «врачебный» и потому читался легко. – Приступы участились в течение недели. Ухудшение состояния связывает со стрессом, вызванным ссорой с племянницей…

Племянница, как сообщила Маркелу сама Вера Васильевна, не стеснялась заявлять во всеуслышание о том, что «старая кошелка слишком уж зажилась». Еще одно подтверждение того, что все зло на этом свете в первую очередь проистекает от родственников. Маркел давно в этом убедился на собственной шкуре.

– Осмотр… Кожные покровы бледные, холодные на ощупь…

– Константин Павлович, – снова перебил Маркел, – карту мне зачитывать не надо, я прекрасно помню этот вызов. Скажите, что там не так, или я пошел. У вас сейчас рабочее время, а у меня личное.

– Вы предлагали ей госпитализацию?

– Предлагал, в карте об этом написано, там же и роспись в отказе.

– А почему она отказалась? Ей же было плохо.

– Ну, почему… – Маркел пожал плечами. – В наши кузницы здоровья людям и днем ехать не охота, а тут ночь. Собраться надо, морально подготовиться, соседке ключи оставить, чтобы цветы поливала, и вообще…

– А об инфаркте вы подумали?

– На пленке не было острых изменений. По сравнению с теми, что лежали у больной дома, – без динамики.

– Но тем не менее вы предложили госпитализацию, так?

– Предложил. А разве мы госпитализируем «сердечников» только в случае острого инфаркта? Пожилая женщина, хроник, живет одна, состояние ухудшилось, – как не предложить ей госпитализацию?

– Вы разъяснили ей?..

– Костя, – Маркел подался вперед, – ты что, забыл, кто учил тебя правильно предлагать госпитализацию и правильно брать письменные отказы? А?

– Сейчас речь не об этом, – уши старшего врача по цвету стали похожи на кремлевские звезды, – и давайте-ка без фамильярности, Маркел Викторович. Мы с вами детей не крестили…

– Да я бы с вами в одном поле… как говорится! – вскипел Маркел, но тут же взял себя в руки: – Ладно, не будем отвлекаться. Что, по вашему мнению, Константин Павлович, – ах, сколько неприкрытой иронии и откровенного сарказма было в этих словах! – я сделал не так?

– Формально все так. – Старший врач посмотрел в окно, затянутое пеленой дождя, словно надеясь увидеть там ответы на все вопросы. – Диагноз соответствует жалобам и статусу, терапия и вообще вся тактика соответствуют диагнозу. Но! Есть одно маленькое «но», Маркел Викторович. Был повторный вызов к Бутурлиной в семь утра, поскольку у нас не было ни одной свободной бригады, к Бутурлиной поехали наши коллеги с шестьдесят пятой подстанции. И угодили на констатацию смерти.

– А кто вызывал? – поинтересовался Маркел.

– Родственница. Наверное та самая племянница…

– Вернулась под утро домой и добила старуху.

– Не совсем. Судя по карте, – старший врач выудил из стопки копий еще одну и положил ее ближе к Маркелу, – умерла она еще до прихода племянницы.

– Все там будем – Маркел произнес эти слова совершенно бесстрастно. – Я все никак не пойму – какие ко мне есть вопросы?

– Главный вопрос – почему вы передали «актив»[2 - «Актив», или «активный вызов» – вызов, который делается не пациентом или его родственниками, а медиками.] в поликлинику, а не записали его себе? Приехали бы через два часа, оценили бы состояние, глядишь и госпитализировали…

– Почему? – Всплеск негодования заставил Маркела вскочить со стула; старший врач вздрогнул. – Да потому что я не собираюсь грузить самого себя туфтовыми «активами»! И так работаем, не вылезая из машин! Население все

увеличивается, а машин больше не становится. Наоборот – их становится меньше! И при таких раскладах я должен брать «активы» на старух со стенокардией?! Вот если бы на пленке был инфаркт и она отказалась от госпитализации, тогда бы я непременно навестил ее спустя два часа! Я могу идти?

– Пожалуйста сядьте и успокойтесь…

– Я спокоен как никогда. – Маркел сел и позволил себе закинуть ногу на ногу. – В отличие от вас…

– Давайте не будем… – поморщился старший врач.

– Не будем, – легко согласился Маркел. – Зачем зря нервы портить? Трудно ведь работать, когда тебя твои же подчиненные не уважают, верно?

– После вас слишком много смертей. – Старший врач счел за благо проигнорировать вопрос Маркела и вернуть беседу в деловое русло. – Если быть точным, то четырнадцать за последние полгода.

– Что ж тут удивительного? – Маркел развел руками. – Людям свойственно умирать, а больным тем более.

Разговор всколыхнул воспоминания. Где-то внутри Маркела, словно насмехаясь над старшим врачом, тихо зазвучала «Маленькая ночная серенада» Моцарта, любимое музыкальное произведение его матери. Матери Маркела, а не Моцарта, разумеется.

Мать была родом с Алтая, из города с чудным названием Камень-на-Оби. Страстная любовь к музыке привела ее в Москву. Девочка из провинции трижды пыталась взять штурмом консерваторию, но все попытки оказались неудачными. Отчаявшись, но по-прежнему не желая расставаться с музыкой, она поступила на хореографический факультет Института культуры и окончила его с отличием. Для чего? Чтобы руководить кружками при гарнизонном Доме офицеров? Хорошая карьера, ничего не скажешь…

– Мечты не сбываются никогда! – часто вздыхала мать.

– А если они сбываются – то никакой радости не приносят, – непременно вставлял свое слово отец. – Я вот с детства мечтал о кругосветном плавании, оттого и в моряки пошел. Так мечта сбылась – трижды проплыл вокруг шарика! Трижды! И что я видел?..

Действительно – что можно увидеть с подводной лодки? Разве что красоты морского дна.

Редкое имя сыну выбрал отец.

– Я – Виктор, победитель, а ты – Маркел, что в переводе с древнеитальянского означает «воинственный», – говорил он, гладя сына по голове шершавой и тяжелой рукой. – Звучит, а? Воин, сын победителя! Это тебе не Иван Иванович Иванов!

Сам бы Маркел предпочел бы имя попроще – Игорь там, или, к примеру, Олег. А то в комплекте с диковинной фамилией редкое имя вечно вызывало у окружающих один и тот же давно набивший оскомину вопрос: «Вы что, болгарин?» И не станешь же объяснять каждому встречному и поперечному, что Маркел – в честь бога войны Марса, а фамилию Дисов, от ДИС – Дорогой Иосиф Сталин, получил в саратовском детдоме подкинутый туда дед. «Я югослав!» – иронизировал Маркел. Любопытные удовлетворялись ответом, хотя такой нации на свете не существовало. Тупой народ, чего с них взять…

– Создается впечатление, что вы то ли несколько оптимистично оцениваете состояние больных, то ли слишком самоуверенны. – Бесцветный, напрочь лишенный интонаций и модуляций (так, наверное разговаривают большие начальники) голос Пузыря совершенно не мешал наслаждаться музыкой. Скорее всего потому, что голос звучал в ушах, а музыка – где-то в душе.

– Вот как? – Маркел изобразил лицом удивление. – А у вас не создается впечатления, что у сотрудника, который работает сутки через двое, да еще и не раз при том выходит на полусутки по просьбе администрации, будет больше смертей, чем у того, кто работает на ставку?

Спорить тут было нечего – Маркел всегда был готов добавить к своим ежемесячным десяти суткам так называемые «полусуточные» дежурства (с восьми до двадцати двух или с девяти до двадцати трех), чтобы как можно

меньше бывать дома и как можно реже видеть свою жену, женщину отвратительную во всех отношениях. Давно уже пора было расстаться с ней, но по уму следовало избавиться только от жены, но не от ее двухкомнатной квартиры. Хороший план требовал времени как на разработку, так и на осуществление. Поспешишь – и людей насмешишь, и ни с чем останешься.

На подстанции Маркел объяснял свою безотказность чувством солидарности и корпоративной взаимовыручки. «Да и деньги никогда не бывают лишними», – скромно признавался он…

– Конечно, кто больше работает, у того чаще все случается, – старший врач покивал лысой головой, – но тем не менее ваш показатель существенно отличается от средних данных по подстанции…

Маркел смотрел на старшего врача и молчал, прикидывая, стоит ли доводить Пузыря до истерики или же лучше поскорее уйти. Немного поколебавшись, выбрал второй вариант – сильно хотелось поскорее принять душ, выпить стакан крепчайшего чая и завалиться спать.

– Для начала напишите мне объяснительную по поводу Бутурлиной и впредь будьте осторожны.

Старший врач – должность бумажная, кабинетная. И душа для этого нужна бумажная. Константин Павлович как нельзя лучше подходил для своей должности.

– Повод для объяснительной?

– Недооценка состояния больной, приведшая к ее смерти.

– Но ведь…

– Был? Был. Осматривал? Осматривал. Лечил? Лечил. – Незаметно для себя самого старший врач перешел на «ты». – Умерла? Умерла. Значит – нужна объяснительная.

– Гад ты, оказывается, Костя Федотов! – с чувством сказал Маркел, доставая из нагрудного кармана синей спецодежды ручку.

– Что?! – попробовал возмутиться Пузырь.

Фамилия у него была Филатов, а не Федотов, но это обстоятельство ничего не меняло.

– Позавчера смотрел «Республику „ШКИД“, – дружелюбно пояснил Маркел. – Обожаю этот фильм. Вот и вспомнилось чего-то про Федотова. Не смотрели? Был там такой одноглазый персонаж…

– Пишите, Дисов, и идите отдыхать. – Старший врач положил перед Маркелом чистый лист бумаги и вздохнул, демонстрируя, как ему все это надоело.

«Тяжело? – подумал Маркел. – А тебя сюда за уши никто не тянул!»

Во дворе Маркела поджидал Олег Власов, один из тех немногих сотрудников, с которыми у Маркела сложились хорошие, можно сказать – почти дружеские отношения. Олег приехал в Москву из Вышнего Волочка три года назад, рассудив, что если и выпала такая планида – быть врачом «скорой помощи», то лучше всего быть им там, где за работу хорошо платят. Представляя Олега коллективу, старший врач (тогда еще не Пузырь, а другой), поинтересовался, почему при десятилетнем скоропомощном стаже Олег не имеет врачебной категории.

– Я же не мяса кусок, чтобы непременно иметь категорию, – с ходу отбрил Олег. – Да и потом не собираюсь я унижаться перед всякими уродами ради категории.

«Наш человек!» – решил Маркел и не ошибся. Сам он тоже не имел категории. Не имел по тем же самым причинам, что и Олег, – не хотел ни перед кем унижаться. В первую очередь перед собственным начальством, у которого следовало утвердить аттестационную работу – отчет о работе за последние три года, представляемую на рассмотрение комиссии. И ради чего? Ради каких-то двухсот рублей в месяц? Маркел бы и за четыре тысячи прибавки аттестоваться не стал.

И за пять – тоже. Гордость на деньги не разменяешь и радость на них не купишь. Такую, как Маленькая ночная серенада.

Чтобы скоротать время, Олег кокетничал с диспетчером Соней Шейнфельд, обладательницей не только самых красивых коленок на подстанции, но и самого большого бюста. Соня ждала, пока за ней приедет муж, и развлечения ради дразнила Олега.

– Долго тебя Пузырь пузырил, – оживился Олег, завидев Маркела.

– Что ты, Пузыря не знаешь? – махнул рукой Маркел. – Это он с виду пузырь, а астральная его сущность – дятел.

– А у меня какая астральная сущность? – встряла в разговор Соня.

– Телка ты, – ответил Маркел и проследовал мимо онемевшей от возмущения красавицы к своей «девятке».

Соня, как две капли воды похожая на жену Тамару («вымя есть – ума не надо», – квалифицировал таких женщин Маркел), раздражала Маркела немерено. Можно даже сказать – просто бесила. Особенно когда принималась рассуждать о жизни с апломбом гуру или какого-нибудь другого мудреца.

– Слушай, Марк, ты сейчас свободен? – Олег заторопился за Маркелом, оставив Соню ждать мужа в одиночестве. Соня обиженно надула губки и отвернулась.

– А что надо?

– В «Техэнерговидео» съездить.

– Зачем?

– Да вот надумал музыку обновить, – широко улыбнулся Олег и с тихой гордостью добавил: – Что-нибудь приличное взять хочу.

– Бабла срубил? – ощерился Маркел.

Ему не нравились собственные кривые зубы, портящие его суровую мужскую красоту – высокий лоб, прямой нос, чеканный подбородок, и оттого он лишь изредка позволял себе улыбаться.

– Скопил, – вздохнул Олег. – Последний месяц вообще никакой выдался. Да еще за кардиограф вычли.

Кардиограф у Олега украли, пока он с фельдшером сдавал больного в приемное отделение девяносто четвертой больницы. Водитель запер машину и отошел на минуточку в туалет. За время его отсутствия кардиограф исчез. Стоявший в салоне ящик с медикаментами неизвестных воров не соблазнил, видимо, они знали, что все самое ценное врачи фельдшера носят «на себе».

– Лучше бы ты на машину скопил, – поддел Маркел, но, увидев, как на лицо приятеля ложится тень несбывшихся надежд, поспешил сказать: – Садись, отвезу, только с условием – в магазине за все про все не больше получаса. Спать хочется дико.

– Да там с утра за все про все десять минут! – заверил Олег. – А потом до подъезда добросишь – а подниму я сам.

Олег снимал комнату в трешке недалеко от дома, в котором жил Маркел. Крюк получался совсем небольшим – километра в два-три. Опять же, пока Олег будет оформлять свою «музыку», можно затариться продуктами в супермаркете напротив. Тогда вечер можно будет провести дома в тишине и спокойствии – Тамара уехала на пять дней. Сказала, что на дачу к одной из подруг. Какая, впрочем, разница, где она сейчас, главное, что дома ее не будет еще два дня. А там Маркелу выходить на сутки…

Олег не наврал – действительно управился минут за пятнадцать, и совсем скоро Маркел припарковал «девятку» напротив своего подъезда.

Как ни устань, а стоит только добраться до дома, как сил сразу же прибавляется. Пусть и не намного, но прибавляется. Вполне достаточно для того, чтобы не спеша смыть с себя всю грязь (как материальную, так и нематериальную), так же не спеша позавтракать, выпить под второй концерт Гайдна два стакана чаю (виолончель была вторым любимым инструментом Маркела после фортепиано), а затем растянуться на матрасе, укрыться легким,

почти невесомым, но очень теплым и уютным пуховым одеялом и заснуть под музыку. Ради таких минут и стоит жить. Ради таких и еще кое-каких. Тех самых моментов, в которых скрыт если не потаенный смысл жизни, то ее сокровенный смак.

Было так приятно проснуться в пустой квартире и знать, что до послезавтра никто не потревожит твоего уединения. Грех было упускать такую возможность расслабиться как следует. Маркел начал готовить вечер грез.

Долго стоял перед стеллажом с дисками, выбирая музыку, пока не отдал предпочтение Фортепианному концерту Грига, которого очень ценил за искренность и за своеобразное изящество, заметное далеко не всем.

После музыки настал черед меню. Что-нибудь легкое и в то же время возбуждающее. Ревизия припасов подсказала верное решение – треска в гранатовом соусе. Готовится несложно, а вкус – тарелку съесть можно. Правда, под рукой не оказалось зерен граната, которыми полагалось украшать готовое блюдо, но этим можно было спокойно пренебречь. Гораздо хуже, если бы не было гранатового сока, филе трески или же пряностей.

Теперь пора было позаботиться о главном – о гвозде программы. Из кладовочки, искусно устроенной в углу коридора еще Тамариным отцом, мастером с завода «Калибр», Маркел достал низенькую двухступенчатую стремянку – при высоте потолков в два метра двадцать сантиметров человеку с ростом метр восемьдесят большей и не требуется. Расставил стремянку в кухне возле мойки, убедился, что занавески полностью закрывают его от взоров любопытных жильцов из дома напротив (если таковые имеются), и влез на нее со столовым ножом в правой руке. Нож был нужен для того, чтобы снять с его помощью решетку, закрывающую вентиляционное отверстие. Дальше просто – сунул в отверстие руку, нащупал справа петлю из лески, потянул за нее и вытащил из щели-кармашка (поистине ювелирная работа, на которую ушло полтора дня кропотливого труда) плоскую черную флэшку. Свое сокровище.

По заведенному ритуалу флэшку полагалось внимательно осмотреть – не подменили ли, хотя кто ее тут может найти, и обнюхать – не оставили ли на ней свой запах чужие руки (обоняние у Маркела было очень острым). Нет, вроде как все нормально. Можно возвращать решетку на место и спускаться.

Пока готовил – держал флэшку в кармане джинсов. Время от времени, словно невзначай, опускал левую руку вниз и через плотную ткань чувствовал тепло, исходящее от сокровища. Душа в предвкушении наслаждения пела так, что никакой музыки не требовалось.

К половине десятого все было готово, осталось только отключить телефоны – обычный и мобильный, выкурить на лестничной площадке сигарету (Маркел хоть и курил, но совершенно не переносил атмосферы «прокуренных» помещений; он и на подстанции никогда не заходил в курилку, предпочитая даже зимой предаваться пороку на улице) и по возвращении в квартиру переодеться в длинный махровый халат чудесного василькового цвета.

– Та-да-да-дам! – возвестил Маркел, входя в большую комнату, служившую одновременно и гостиной, и апартаментами жены Тамары. Девятиметровая спальня считалась комнатой Маркела.

– Та-да-да-дам! – Маркел включил DVD-плеер и вставил в него флэшку.

– Та-да-да-дам! – Он уселся в кресло и взял в каждую руку по пульту.

Раз – и на экране телевизора появилось изображение.

Два – из развешанных по стенам колонок зазвучала любимая серенада. Черед Грига наступит позже, когда от самого свежего впечатления можно будет перейти к предыдущим.

– Ой, лихо мне! – простонала с экрана гражданка Бутурлина Вера Васильевна, пытаясь донести непослушную руку до груди.

Не вышло – секундой позже рука обмякла и упала куда-то вниз. Бутурлина повернула голову набок и протяжно захрипела.

Глаза закатились, и в узкие щелочки были видны только мутно-сероватые белки, очень похожие на бельма. Из угла рта потянулась толстая нить слюны, снятая крупным планом. Качество изображения оставляло желать лучшего, но от «телефонной» камеры требовать большего нельзя. Точно так же, как нельзя возить с собой по вызовам свою «соньку» – сразу же пойдут расспросы, а там и

до выводов недалеко. Ну ничего, полупрофессиональная «сонька», даже в бэушном состоянии стоившая Маркелу бешеных денег, непременно дождется своего часа. Уж Тамаркину серенаду он точно будет снимать по высшему классу. Жена как-никак заслужила…

К смерти Маркел относился по-разному. Одно дело – плохая смерть. Гибель отца, медленное угасание матери, убийство на вызове доктора Сальникова, институтского однокашника. Совсем другое дело – смерть хорошая, радостная, это и не смерть вовсе, а серенада, песня освобожденной души.

Впервые Маркел получил удовольствие от чужой кончины на пятом курсе, когда во время операции на желчном пузыре пациентка внезапно скончалась прямо на столе. Забилась в конвульсиях, издала неясный горловой стон (более членораздельным звукам мешала трубка, вставленная в трахею), обмочилась и ушла в мир иной.

За какие-то две минуты студент Дисов совершенно неожиданно для себя испытал небывалое доселе возбуждение и столь же небывалую по силе разрядку.

– Тебе плохо? – участливо поинтересовался кто-то из одногруппников, обернувшись на стон Маркела.

– Живот схватило, – прошептал Маркел и медленно, изо всех сил стараясь удержать ускользающее равновесие, направился к выходу из операционной.

– Чтоб я еще раз взял кого-нибудь на операцию в понедельник! – заорал доцент Абашкин, потрясая в воздухе одетыми в перчатки кулаками. – Черт бы их всех побрал! У-у-у!

Продолжения Маркел уже не слышал. Заперся в туалете и минут пять умывался холодной водой, чтобы прийти в себя. Трусы пришлось выбросить (они промокли настолько, будто в воду упали) и надеть «форменные» хирургические штаны прямо на голое тело. Произошедшее списал на полуторамесячное воздержание и пообещал себе прямо сегодня вечером положить ему конец. Так и сделал. Однако тиская руками обвислые груди очередной безымянной медсестры, охочей до молодого мужского тела, Маркел все вспоминал и вспоминал, как дергалась на столе пациентка с разрезанным чревом (по каким-то показаниям

операция была полостной, с разрезом «от бока до бока», а не лапароскопической), пытаясь освободиться от стягивающих ее ремней.

Довспоминался настолько, что довел себя до разрядки в самом начале процесса.

– Учись контролировать себя, – посоветовала разочарованная партнерша, отталкивая от себя Маркела. – А лучше сходи на прижигания.

– Прижигания чего? – пролепетал покрасневший Маркел.

– Семенного бугорка, – снисходительно объяснила медсестра. – Ты же на доктора учишься – должен знать. Эх…

В этом «эх…» было столько презрения, что Маркела передернуло словно от удара током.

– А ты плохо пахнешь и разъелась как свинья, – огрызнулся он. – Весь живот в складках.

– То-то ты только дотронулся и сразу кончил! – парировала медсестра.

Натянув на себя халат, она из любовницы превратилась в официальное лицо.

– Давай вали отсюда! – Грубый тон совсем не походил на недавнее кошачье мурлыканье. – Это, вообще-то, процедурный кабинет, а не бордель!

Маркел вдруг представил, как он берет лежащий на одном из столов резиновый жгут, подходит к хамке, накидывает жгут ей на шею и медленно, с чувством, толком, расстановкой, затягивает его все туже и туже. Жгут, растягиваясь, становится все тоньше и тоньше, впивается в короткую и толстую шею все глубже и глубже, хамка хрипит, размахивает руками…

Додумывать пришлось уже в коридоре, куда его выпихнула медсестра, совершенно не догадывавшаяся о том, какой страшной смертью умирает она сейчас в мыслях своего незадачливого любовника.

Неделю Маркел пытался разобраться в новых ощущениях, даже и не разобраться, а убедить себя в том, что все это пустяки. Детские комплексы плюс нерегулярная половая жизнь, помноженное на богатое воображение. Через неделю устроился на работу в реанимационное отделение «скоропомощной» окраинной больницы.

– Вы же на пятом курсе… – удивилась заведующая реанимацией Ирина Ивановна, плечистая, коротко стриженная дама лет сорока. – Можете работать фельдшером. Зачем вам идти в медсестры, то есть – в медбратья? Да еще в такое тяжелое отделение, как наше.

– Опыта набраться хочу, – пояснил Маркел.

– Правильно мыслите, – похвалила заведующая. Помялась немного и спросила: – Скажите… а вы, наверное, болгарин?

– Русский я, – улыбнулся Маркел. – Из Мурманска.

Традиционная отговорка про югослава здесь была бы не к месту.

Двух месяцев в реанимации хватило для того, чтобы окончательно разобраться в своей сущности. Главное – что? Не врать самому себе, как учил отец. «Всем остальным врать можно и нужно, – говорил он, – но только не ври себе, потому что это приводит к принятию неправильных решений, а неправильные решения, в свою очередь, приводят к неправильным поступкам. Вот я в свое время убедил себя, что быть военным моряком куда лучше, чем торговым, и что же?»

«Чему бывать – того не миновать», – рассудил Маркел и начал осторожно, не торопясь, изучать себя нового. Процесс был захватывающим и крайне интересным, жаль только, что его результатами нельзя было ни с кем поделиться. А так хотелось иметь под рукой хоть одного единомышленника, с которым можно было бы разговаривать обо всем не таясь.

Постепенно определялись предпочтения. Так, например, агонизирующие мужчины сильно Маркела не впечатляли. Разве что интересно – но не более того. Как-то некрасиво умирали мужчины. А вот с женщинами дело обстояло иначе, причем ни возраст, ни внешность существенной роли не играли. Женщины уходили красиво – любо-дорого смотреть! Маркел ощущал импульсы их агонии,

ловил, впитывал и наслаждался, наслаждался, наслаждался… Чем короче агония, тем сильнее импульс, тем острее радость. Если агония затягивалась более получаса – весь интерес пропадал, становилось скучно и даже как-то не по себе. Словно обещали большую вкусную шоколадку, а подсунули вместо нее окаменевший леденец, который невозможно ни грызть, ни сосать. Краткость – она не только таланту сестра, но и удовольствию.

В один из дней, когда молодая еще женщина с трансмуральным[3 - Вариант инфаркта миокарда, при котором поражение охватывает все слои сердечной стенки.] инфарктом на фоне сахарного диабета вдруг зафибриллировала[4 - Фибрилляция желудочков – угрожающая жизни форма сердечной аритмии, при которой сокращения отдельных волокон миокарда теряют синхронный характер.] и никак не хотела откликаться на реанимационные мероприятия, Маркел понял, что о чем-то похожем пытался рассказать великий Моцарт в своей Маленькой ночной серенаде. Догадка была такой восхитительной, что Маркел чуть не задохнулся от счастья. Стоило соединить в себе чарующее зрелище с не менее чарующей мелодией, как исчезли последние сомнения в своей… ненормальности, что ли. И на место никчемным страхам и опасениям пришла уверенность в своей исключительности.

Отныне все радостные события он про себя называл «серенадами».

Набираясь опыта, Маркел научился владеть собой. Владеть настолько, чтобы не приходилось менять нижнее белье после каждой серенады. Разумеется, самоконтроль в определенной мере мешал наслаждению, но зато он способствовал сохранению тайны. Расслабиться можно было позже, уединиться, закрыть глаза – и услужливая память сразу же вытаскивала из своих глубин нужную картину – пожалуйста, наслаждайся сколько влезет.

Пойти дальше и вступить с кем-то из «уходящих» в физический контакт совершенно не тянуло. Разве что хотелось иногда взять умирающую за руку, не более того. Жест этот выглядел совершенно естественным и никакой опасности не представлял. Главное для Маркела было – присутствовать, быть рядом, чтобы уловить ту часть жизненной силы, которая, не будучи востребованной, изливалась в пространство и навсегда растворялась в нем. Ну и конечно же смотреть, даже не смотреть, а наблюдать, подмечая особенности и смакуя их с большим удовольствием.

Отношения с женщинами не шли ни в какое сравнение с серенадами. Не тот интерес, совсем не те впечатления, абсолютно не та радость. Ничего особенного – оно ничего особенного и есть. Однажды Маркел набрался храбрости и предложил одной из своих немногочисленных девиц «внести разнообразие» в их любовные игры.

– Никакого анального секса! – сразу же ответила недалекая дура.

Маркел объяснил, что о подобном он и не помышлял, а хотел просто слегка, самую чуточку придушить, нет – всего лишь изобразить удушение своей партнерши при помощи пояска от ее псевдошелкового и псевдояпонского халатика.

– Будет щекотно – и все, – пообещал он. – Ты только закатывай глаза и хрипи…

Конечно же ничего не вышло. Мало того что она отказалась, так еще и растрепала по всему общежитию, что Маркел пытался трахнуть ее в попу, а когда она гордо отказалась, хотел придушить, чтобы все-таки добиться своего. Сука, настоящая сука, и ничего, кроме суки. Чем больше Маркел узнавал женщин, тем больше он их ненавидел, а чем больше он их ненавидел, тем радостнее было ему смотреть на то, как они уходят в небытие. Если бы не обстоятельства (отсутствие московской прописки и московской квартиры), то он к своей жене Тамаре и близко бы не подошел. Но нужда заставит – и кукарекать начнешь. Для того, чтобы иметь прописку и свой угол в столице, пришлось во время интернатуры приударить за Тамарой и довольно скоро сделать ей предложение. После пяти лет некоего подобия семейной жизни их брак перешел в «полумирное» сосуществование, в котором пребывал до сих пор. Подобная форма бытия устраивала обоих – двухкомнатная квартирка в панельном доме без доплаты разменивалась на две самые паршивые комнаты в каких-нибудь самых неказистых коммуналках. Чем жить бок о бок с посторонними людьми, лучше уж соседствовать со своей законной половиной. Правда, в последнее время Тамара начала сильно раздражать Маркела, вынуждая к активным действиям. Изящный и совершенно безопасный план составился скоро. Оставалось дождаться зимних морозов, когда станет возможно подержать ее несколько дней на балконе в «разобранном на запчасти» и упакованном в пакеты виде. Маркел придерживался мнения, что от трупа лучше избавляться частями и без спешки.

К середине шестого курса он передумал становиться реаниматологом, отдав предпочтение работе на «скорой помощи». «Скорая» сулила массу возможностей, и вдобавок наслаждение на вызове отличалось от такого же в реанимационном зале. Оно было как бы камерным, более интимным, индивидуальным. Сделав свой выбор, Маркел никогда в нем не раскаивался. То что надо, особенно если не возражать против работы в одиночку. В отличие от своих коллег, Маркел спокойно ездил без фельдшера даже ночью. К этому давно привыкли, и стоило только кому-то из фельдшеров заболеть или запить, как старший фельдшер перекраивала график таким образом, чтобы в одиночку работал доктор Дисов. Одни считали, что он делает это из гордыни – смотрите, мол, какой я крутой, другие ставили во главу угла экономические соображения (за работу без фельдшера врачам неплохо доплачивали). Истинной причины, разумеется, никто не знал.

Как наркоману надо постоянно увеличивать дозу, так и эстету требуются все более острые ощущения. На третий, кажется, год работы на «скорой» Маркел вдруг подумал о том, что нельзя всю жизнь жить тем, что соблаговолит подкинуть тебе провидение. Пора уже научиться создавать праздники самому, стать, если можно так выразиться, режиссером-постановщиком собственного удовольствия. Столь выспренний ход мыслей скорее всего был вызван тем, что Маркела осенило в дороге, когда машина «скорой» проезжала мимо Театра эстрады, возвращаясь на подстанцию.

Маркел был не из тех, кто привык откладывать дела в долгий ящик. Да и мысль оказалась настолько привлекательной, что никак не желала улетучиваться – все вертелась и вертелась в голове, вызывая легкую приятную щекотку.

Голова у Маркела всегда соображала хорошо, а уж в исключительных случаях и подавно. Машина еще не успела доехать до подстанции, как был составлен и проверен на слабые места превосходный план, эталон «режиссуры».

Одиноких пенсионерок в Москве много. Почему именно пенсионерок? Да потому что внезапная смерть пожилого человека, страдающего хроническими заболеваниями, ни у кого не вызывает подозрений. Пришло время отдавать концы – ничего не поделаешь. Главное, чтобы на теле не было следов постороннего воздействия. След от иглы не в счет – была «скорая», полечила, полегчало.

Почему одиноких – объяснять не надо. Присутствие посторонних при серенаде исключается. Только режиссер и его «прима».

Чем запускать процесс? Вариантов уйма, да хотя бы новокаинамидом[5 - Антиаритмический препарат.]. Если пустить его по вене неразведенным, да быстро, то обвал давления с последующей остановкой сердца не заставит себя ждать. Для надежности можно брать две ампулы. Как раз в «десятку»[6 - Десятимиллилитровый шприц.] влезет. Разумеется, новокаинамид должен быть своим, чтобы ничего на подстанции не объяснять и в расходе не отчитываться. Купить его просто, это не реланиум и не промедол. Можно, конечно, посмертно определить его содержание… но кому придет в голову этим заниматься? Наследникам жилплощади? Вот ещё! Главное, чтобы никаких следов насилия на теле не было, тогда милиция составит протокол и отбудет.

Самому смерть не констатировать, ни к чему это. Описывать в карте эффект от терапии и для подстраховки заранее предлагать госпитализацию, причем предлагать так, чтобы пациентка отказалась. «Собирайтесь в больницу! Они хоть в последнее время битком набиты, но лучше в коридоре под наблюдением лежать, чем дома». Или «Состояние у вас стабильное, но вышел новый приказ госпитализировать при ваших жалобах всех, кто старше шестидесяти, вы уж распишитесь, что я вам госпитализацию предлагал». И будет все выглядеть наилучшим, то есть совершено безопасным образом. Комар носа не подточит!

Появление мобильных телефонов со встроенными видеокамерами открыло перед Маркелом новые перспективы. Он в числе первых обзавелся крутым девайсом (на себе нельзя экономить) и начал снимать свои «серенады» для домашнего просмотра. Сейчас на флэшке было записано сорок восемь «короткометражек». Маркел просматривал их не подряд, а выборочно, в соответствии с настроением. После каждой «серенады» делал перерыв – вспоминал смену, в которую был снят «фильм», смаковал детали, сравнивал с другими. Нет, все-таки жаль, что память остается в столь ужасном качестве! Когда же эти умники научатся вставлять в телефоны камеры, ни в чем не уступающие профессиональным? Там, где можно немного притормозить, прогресс несется сломя голову, а там, где следует поторопиться, едва плетется.

В третьем часу ночи Маркел вернул флэшку на ее законное место, перемыл посуду и отправился принимать хвойную ванну. Ванна была неудобной, маленькой, сидеть в ней Маркелу было неловко, и оттого он обычно предпочитал душ, но сейчас это не имело значения. Главное – полностью расслабиться в

горячей воде и дышать с детства любимым запахом елок и сосен. Посидишь так полчасика, пока вода не остынет, и чувствуешь себя заново родившимся.

– Как же мне нравится моя работа! – признался Маркел своему отражению в зеркале.

Отражение показало оттопыренный кверху большой палец – молодец, продолжай и дальше в том же духе.

– Спасибо за понимание, дружище, – поблагодарил Маркел.

Отклонение от нормы – разговаривать с самим собой, игнорируя реальных собеседников. А если больше поговорить не с кем, то общение с собой становится не отклонением, а одним из способов психоэмоциональной разрядки.

История вторая

Менялы

Актер-король:

И радость и печаль, бушуя в нас,

Свои решенья губят в тот же час;

Где смех, там плач, – они дружнее всех;

Легко смеется плач и плачет смех.

Уильям Шекспир, «Гамлет, принц Датский»[7 - Перевод М. Лозинского.]

К своему здоровью Верочка относилась очень внимательно. Так, словно ей было не двадцать пять лет, а втрое больше. Ее забота о себе простиралась куда дальше свежевыжатых соков и спа-процедур: Верочка любила посещать врачей, как по поводу, так и без. Она ни за что бы не призналась себе, что страдает от недостатка внимания, но на самом деле ее бесконечные походы по медицинским

центрам провоцировались именно стремлением выговориться и быть выслушанной. Внимательно выслушанной. Верочка обращалась не в обычные поликлиники, а в элитные медицинские центры, и потому общение с докторами приносило ей только позитивные впечатления.

Верочкина жизнь была счастливой, беспроблемной и очень скучной. Родители-алкаши жили далеко от Москвы – за Уралом, там же возле них обретался брат Сережа, к тридцати годам уже имевший две ходки. Московские подруги все как одна оказались завистливыми сучками, не способными спокойно принять Верочкину удачу, и потому отношения с ними были разорваны раз и навсегда. «Удача», а если точнее, то законный Верочкин муж, Георгий Владимирович, некогда известный в криминальных кругах как «Гоша-Болт» (прозвище он получил за свое пристрастие к килограммовым перстням), обращал внимание на жену только тогда, когда ему хотелось секса. Случалось это нечасто, потому что Георгий Владимирович был уже немолод, и к тому же помимо законной супруги дарил своим вниманием двух секретарш и личную массажистку.

Поэтому, если проснувшись утром (а точнее – около полудня), Верочка чувствовала что-то вроде покалывания в пояснице или ломоты в руке, то не спешила отмахнуться – отлежала, мол, а сразу же после завтрака отправлялась на обследование. Доктора Верочку любили. Милая, вежливая, часто дарит «мелкие» презенты стоимостью в две-три сотни евро (дамам духи, джентльменам – выпивку), любит обследоваться и ничем не больна. Каждому бы врачу да по две дюжины таких пациенток!

Само собой – беременность стала для Верочки не простым счастьем, а тройным. Во-первых, у нее будет ребенок, и это здорово. Во-вторых, этот крошечный человечек будет требовать много материнского внимания (даже при двух обещанных Георгием Владимировичем нянях), и о скуке придется забыть надолго, если не навсегда. Ну а в-третьих, рождение наследника или наследницы существенно упрочит ее положение. Перешагнув на шестой десяток, Георгий Владимирович вдруг осознал, что есть у него все, чего только можно желать, начиная с состояния и заканчивая депутатством, и принялся страстно мечтать о наследнике. Или о наследнице. Пол не имел значения, главное – чтобы это была своя, родная кровиночка, которой можно будет оставить все нажитое непосильным трудом.

– Ты мне только роди! – восклицал Георгий Владимирович, поглаживая жену по намечающемуся животу. – А уж я тогда! А там!..

Не в силах выразить свои эмоции словами, он рубил в воздухе короткопалой рукой, и камни на перстнях (хороший вкус хорошим вкусом, а старые привычки старыми привычками) слепили Верочку своим блеском. Верочка млела – судя по всему, благодарность любящего супруга могла оказаться поистине безграничной. Муж освободил беременную жену от нудной обязанности отчитываться в своих тратах («В твоем положении вредно забивать голову всякой херней»), перестал водить домой шумные компании своих «партнеров по жизни» (Верочка прекрасно понимала, насколько велика была эта жертва), приставил к жене медсестру Елену Андреевну, оказавшуюся превосходной собеседницей, и выделил ей одного из своих личных водителей («Ну, прям как от сердца оторвал, Вер»)… Невероятно, но человек, в день свадьбы сказавший жене: «Всю свою родню, дорогая моя, ты оставишь за порогом моего дома», – вдруг сам предложил:

– Может к тебе маму вызвать? Мало ли, может родственная помощь какая нужна?

Услышав это предложение, Верочка опешила настолько, что чуть было не спросила: «Чью маму?» – но вовремя вспомнила, что мать ее мужа уже лет пятнадцать покоится на престижном Троекуровском кладбище. От мысли о том, что сюда, в эти сверкающие хоромы может приехать ее мать, давно забывшая, зачем нужны носовые платки, стаканы или пепельницы, Верочке стало плохо.

– Что с тобой? – всполошился Георгий Владимирович, заметив, как побледнела жена. – Сиди, не шевелись, я сейчас Елену Андреевну позову…

– Не надо Елену Андреевну, – простонала Верочка. – И маму тем более не надо. У меня есть ты – и всё.

От этих слов Георгий Владимирович растаял настолько, что через неделю Верочке пришлось обзаводиться очередной шкатулкой для драгоценностей, четвертой по счету.

Пели в небесах ангелы, радуясь Верочкиному счастью, а силы зла тем временем готовили будущей матери пакость.

– Скрининговый тест позволяет нам оценить вероятность наличия у плода синдрома Дауна…

В своего гинеколога Анну Яковлевну Верочка влюбилась с первого взгляда. Если бы она могла сама выбирать себе маму, то выбрала бы вот такую – седую, ухоженную, подтянутую, с живыми, совсем юными, девичьими глазами и аристократическими манерами.

– Ой! – переполошилась Верочка. – Вы подозреваете у меня…

– Не волнуйтесь, Вера Денисовна, – врач накрыла руку пациентки своей рукой, – в вашем положении беспокойство противопоказано. Я ничего не подозреваю. Скрининговый тест входит в программу обследования, и проходить его вам придется дважды – сейчас и примерно через месяц, на шестнадцатой неделе.

– А что, с одного раза тест не выявляет синдром Дауна? – удивилась Верочка.

– Этот тест не выявляет синдром Дауна у плода, он только оценивает вероятность его наличия. – Анна Яковлевна порылась в ящике стола и протянула Верочке тоненькую брошюрку. – Вот, можете почитать на досуге.

– Спасибо. – Верочка сразу убрала брошюрку в сумку, чтобы ненароком не забыть ее в кабинете.

– Если вероятность оказывается высокой, мы делаем диагностический амниоцентез. – Анна Яковлевна поняла, что говорит слишком заумно и объяснила попроще: – Диагностическую пункцию околоплодных вод и тогда уже получаем окончательный ответ. Да или нет.

– Так, может, лучше сразу?.. – Верочка предпочитала ясность и ради нее была готова пожертвовать какой-то толикой своих околоплодных вод.

– Не будем торопиться, Вера Денисовна. – Анна Яковлевна умела улыбаться не только губами, но и глазами, отчего улыбка выходила очень искренней и располагающей. – Вам удобно будет приехать послезавтра к девяти?

– Конечно.

– Сдадите кровь на гормоны, и сделаем УЗИ. Это и есть скрининговый тест. Компьютер объединит результаты обоих исследований и выдаст нам степень риска…

Брошюру Верочка прочла в машине, по дороге домой. Прочла внимательно, вдумчиво, но так ничего и не поняла. Какое-то воротниковое пространство, эстриол и фетопротеин… Только такие умные люди, как Анна Яковлевна, могут разбираться во всей этой муре. Но было ясно, что эти самые скрининговые тесты делаются по уму, а не для того, чтобы раскручивать на бабки богатеньких Буратин. Тут Верочка поймала себя на том, что машинально начала думать словами из лексикона Георгия Владимировича, и немного огорчилась. Так и с языка сорвется, не поймаешь. Предложит Анна Яковлевна: «Вера Денисовна, не хотите ли чаю? Или, может, минералочки?» – а в ответ услышит: «Чайку, если не в падлу». Вот уж позора не оберешься… И вообще, женщинам полагается облагораживать своих мужчин, а не набираться от них всякого бескультурья. И еще Верочка запомнила, что хороший результат тестирования не должен превышать один к двумстам пятидесяти.

Какому-то безбашенному подростку приспичило перебежать Садовое кольцо прямо перед носом Верочкиного «Лексуса». Водитель скрипнул зубами и резко повернул руль вправо. Верочку качнуло, и в этот момент ей показалось, что кто-то легонько стукнул ее в живот изнутри.

– Ой!

– Вам плохо? – всполошился водитель. – Может, остановочку сделаем? Или?..

– Все нормально, – как можно тверже сказала Верочка. – Это я так, от неожиданности.

«Нет, наверное, все-таки ошиблась, – с сожалением подумала она. – Вроде как рано еще ему шевелиться».

Насчет пола ребенка Анна Яковлевна пока ничего не сообщала, но Верочка откуда-то твердо знала, что у нее мальчик, сын, Данилка. Имена наследников были согласованы родителями задолго до того, как Верочка забеременела. Если мальчик – то Даниил, если девочка – то Ксения. Красивые, старинные имена. Классика…

Первый тест выдал результат 1:145. Узнав его, Верочка испугалась настолько, что устроила в кабинете Анны Яковлевны истерику (хорошо хоть – тихую, интеллигентную) со слезами и заламыванием рук. Набежал персонал, Верочку уложили на кушетку, дали ей каких-то успокаивающих капель (от «расслабляющего укольчика» она отказалась наотрез – одни только кровоподтеки от этих уколов), затем Анна Яковлевна включила тихую музыку, похожую на журчание ручья, попросила всех удалиться, а сама села на стул возле Верочки и сказала:

– В первую очередь вам следует успокоиться. Нельзя на каждый пустяк реагировать столь бурно. Пожалейте себя, поберегите свою красоту. У тех, кто часто плачет, раньше появляются морщины.

Сама Анна Яковлевна выглядела так, как будто не плакала ни разу в жизни.

– На результат теста могло повлиять многое… – продолжила она. – Простуда, употребление некоторых пряностей…

– Я не простужалась, – всхлипнула Верочка, – и пряностями не увлекаюсь… разве что кофе с корицей пью… пила, до беременности…

Договорились на том, что Верочка будет умницей и через четыре недели сдаст тест повторно. Анна Яковлевна продержала Верочку у себя почти полтора часа и отпустила, только полностью убедившись в том, что Верочка окончательно успокоилась…

Повторный тест выдал еще более пугающий результат. Один к ста тридцати, ни больше ни меньше. Верочка восприняла это на удивление спокойно. Она уже успела убедить себя в том, что этот тест – полная фигня и неизвестно зачем врачи назначают его аж два раза. Наверно, и впрямь для того, чтобы вытянуть из клиентов побольше денег. На ее вопрос о том, почему же все-таки всем беременным не назначают сразу же диагностическую пункцию, Анна Яковлевна ответила так:

– Амниоцентез, конечно, дает нам много достоверной информации – о поле плода, о его генотипе, о наличии хромосомной патологии… Но это все же инвазивный метод…

– Какой? – переспросила Верочка.

– Метод, при котором что-то извне вторгается в ваше тело. Во время амниоцентеза иглой делают прокол передней брюшной стенки и матки, чтобы забрать несколько миллилитров оклоплодных вод, в которых содержатся клетки плода…

– Это не больно? – Верочка представила себе длинную и толстую иглу, и ей стало не по себе.

– Исследование проводится под местным обезболиванием. Вы, Вера Денисовна, ничего не почувствуете, даже щекотки. Но как и все инвазивные методы, амниоцентез имеет свои осложнения, такие как, например, инфицирование или преждевременное излитие околоплодных вод. Поэтому просто так он не делается, нужны определенные показания…

Анна Яковлевна говорила долго. Объяснила, что осложнения описаны при любой медицинской манипуляции, что в их клинике никаких осложнений при амниоцентезе не бывает, потому что здесь работают лучшие, без преувеличения, кадры отечественной медицины, что Вера Денисовна сама решает, нужен ей амниоцентез или нет, насильно его делать никто не будет.

– А вы советуете? – спросила Верочка.

– Все зависит от вашего… настроя, – мягко сказала Анна Яковлевна. – Если вы намерены рожать во что бы то ни стало и для вас не имеет значения, есть у вашего ребенка синдром Дауна или нет…

– Имеет! – воскликнула Верочка. – Еще как имеет!

– Тогда давайте делать амниоцентез, – заключила Анна Яковлевна.

– Только побыстрее, пожалуйста, – взмолилась Верочка. – А то я вся изведусь.

– Давайте прямо завтра с утра и сделаем, а на послезавтра запланируем консультацию генетика.

Анна Яковлевна заново проговорила все то, что рассказывала Верочке о амниоцентезе, а затем дала ей подписать бланк информированного согласия на эту процедуру.

– Все будет хорошо, – сказала она Верочке на прощание.

Верочке так хотелось верить Анне Яковлевне!..

Исследование клеток плода выявило сорок семь хромосом вместо сорока шести, три из которых относились к двадцать первой «паре». Синдром Дауна.

То, что дела ее плохи, Верочка поняла по виду своего врача. Анна Яковлевна, обычно такая радушная, сегодня держалась сдержанно, даже слегка скованно. Дурную весть сама сообщать не стала – пригласила к себе генетика, а пока он шел, расспрашивала Верочку о самочувствии. Верочка сжалась на краю стула и на вопросы отвечала невразумительно и невпопад. Наконец спустя целую вечность (на самом деле прошло не больше пяти минут) пришел генетик – молодой бородатый брюнет, имени и отчества которого Верочка не запомнила. Сел на свободный стул, раскрыл синюю пластиковую папку и зачитал Верочке неутешительный результат.

– Это точно? – только и спросила Верочка.

– К сожалению – да, – вздохнул генетик.

Подождал, не будет ли еще каких вопросов, переглянулся с Анной Яковлевной и ушел, неслышно притворив за собой дверь.

Верочка «ушла в себя» – спрятала лицо в ладонях и сидела неподвижно. Анна Яковлевна сочла за благо оставить пациентку в покое и застучала пальцами по клавиатуре.

«Все пропало! – вертелось в красивой Верочкиной голове. – Все пропало! Пропало! Все жертвы оказались напрасными! Мама дорогая!»

– Я понимаю ваше состояние, Вера Денисовна. – Выждав с четверть часа, Анна Яковлевна нарушила молчание. – Тяжело, конечно, но вы еще так молоды.

Беременность мы прервем на днях, и скоро вы забудете ее как страшный сон. А в следующий раз вы непременно родите здорового красивого малыша. То, что произошло с вами сейчас, это всего лишь несчастливое стечение обстоятельств, игра случая. Это ни в коей мере не означает, что и в следующий раз у вашего… плода обнаружится лишняя хромосома. Напротив, вы же, наверное, знаете выражение: «В одну и ту же воронку снаряд дважды не попадает»?

– Второго раза не будет, – не отнимая рук от лица, сказала Верочка. – Больше ничего не будет…

– Почему?

– Потому…

Как объяснить Анне Яковлевне? Разве сможет Анна Яковлевна понять и оценить те жертвы, которые ежедневно приносила и приносит она? Сначала для того, чтобы заполучить Георгия Владимировича, а теперь для того, чтобы остаться возле него в статусе законной супруги… Сколько мук, сколько сил, сколько перешагиваний через себя, через свое «я»… И ради чего?! Разве будет Гоша ждать, пока Верочка забеременеет еще раз? С учетом прошлого выкидыша это будет уже третья ее беременность… Не станет, Гоша ждать не станет. «Хромую лошадь пускают на мясо» – это его любимое выражение. Нет, конечно, за дверь он ее не вышвырнет, при всех своих недостатках Гоша все же не такая сволочь. Купит однушку где-нибудь в Бескудниково, купит какую-нибудь «Нэксию» или «Акцент», даст тысяч триста на обстановку, и все… Большего от него ждать не стоит. Куда потом – опять торчать за прилавком, демонстрируя «ювелирку», или лучше сразу на панель?

– Ничего больше не будет, Анна Яковлевна-а-а, – неизящно, в голос, зарыдала Верочка. – Это был мой шанс… мой последний шанс… и я его…

Верочка хотела сказать «упустила», но, потеряв остатки самоконтроля, выдала:

– …просрала!

Дальше последовали знакомые па Марлезонского балета: «Прилягте, пожалуйста», «выпейте, пожалуйста», «вам уже лучше?», «давайте сделаем расслабляющий укольчик?», «хотите горячего чаю?»…

Успокоившись, Верочка почувствовала такую сильную потребность выговориться, что, не вставая с кушетки, выложила Анне Яковлевне все про свою неудавшуюся жизнь.

– Не все так плохо, как вам кажется, Вера Денисовна, – сказала Анна Яковлевна, когда Верочка сделала паузу, чтобы отдышаться. – И вашему горю можно помочь.

– Вы добрая, Анна Яковлевна, – всхлипнула Верочка. – Спасибо вам за понимание, но моей беде вы не поможете…

– Как знать, как знать, – улыбнулась Анна Яковлевна. – Давайте поговорим начистоту. Насколько я понимаю, вы крайне заинтересованы в том, чтобы результатом вашей беременности стал здоровый малыш, законный наследник вашего мужа?

– Можно и наследницу… – вздохнула Верочка, – но что сейчас говорить?! Кстати, а кто у меня там – мальчик или девочка?

– Мальчик. Евгений Александрович же сказал, что у вас мальчик.

– Я прослушала или забыла, – призналась Верочка. – Помню только два слова «синдром Дауна».

– Вернемся к моему вопросу – так вы заинтересованы…

– Заинтересована, – кивнула Верочка, чувствуя, как в ее душе зарождается надежда. Анна Яковлевна не станет просто так задавать подобные вопросы. Не такой она человек, чтобы зря языком молоть.

– А цена вопроса в сорок пять тысяч евро вас не испугает?

Сорок пять тысяч евро? О чем спрашивает Анна Яковлевна? Сорок пять тысяч евро за то, чтобы из дауна сделать здорового ребенка? Нет, сорок пять «евротонн» (опять эти липучие Гошины словечки!) это, конечно, деньги, но не такие, которые жалко заплатить за собственное счастье. Неужели все можно исправить?

– Меньше никак нельзя. – Врач неверно истолковала молчание Верочки. – Слишком много людей участвует в деле.

– Я понимаю, – сказала Верочка. – Сложная операция…

– Что-то вроде того, – улыбнулась Анна Яковлевна.

– А разве такие операции делают?

Верочка никогда не слышала о чем-то подобном, но ведь она не врач.

– Вера Денисовна, речь идет не о хирургической операции, а о том, что сразу же после родов вашего ребенка обменяют на нормального здорового малыша, который и будет считаться вашим сыном.

– А разве так можно? – ахнула Верочка.

– Нельзя, но ради вас я это устрою. Я же вижу, что вы в отчаянии. Устраивает ли вас цена вопроса?

Предложение требовало осмысления, поэтому Верочка ответила не сразу. Анна Яковлевна ее не торопила.

– Цена устраивает, – решилась Верочка. – А что будет с моим ребенком?

– Какая разница? – ушла от ответа Анна Яковлевна. – Вашим ребенком, Вера Денисовна, будет тот, которого вы унесете из роддома.

– Все это так неожиданно… – Верочка села.

– Голова не кружится? – забеспокоилась Анна Яковлевна.

– Нет, просто спину заломило.

Поддерживая под руку, Анна Яковлевна отвела Верочку к раковине.

– Умойтесь, приведите себя в порядок, а потом продолжим наш разговор.

Продолжить получилось не сразу – Анну Яковлевну пришла благодарить одна из недавно родивших пациенток. Традиционный букет в два охвата, коробка шоколада, блестящий пакетик, скорее всего с духами и конвертом. Обмен поцелуями, радостное щебетание, низкий бас счастливого отца. Когда нежданные гости ушли, Анна Яковлевна отнесла куда-то букет, занимавший весь ее стол, а вернувшись, указала глазами на подаренную коробку и предложила:

– Может, выпьем по чашечке чая с конфетами?

– Нет, спасибо.

Верочка предпочитала не отвлекаться во время серьезных разговоров.

– Итак, если мы достигли согласия по главным вопросам, то пора переходить ко второстепенным, – начала Анна Яковлевна, усевшись за стол. – Первое – вам придется крепко держать язычок за зубами. Ни муж, ни родители, ни ближайшая подруга никогда не должны услышать от вас хотя бы намека на то, как… ну, вы понимаете.

– Понимаю.

«Тем более, что муж так и так ничего знать не должен, родителей интересует только один вопрос – чем можно опохмелиться, а подруг у меня нет», – мысленно добавила Верочка.

В животе шевельнулся ребенок. «Бедный малютка… – Верочка еле сдержала слезы. – Бедный, бедный малютка…За что его так?»

– Второе. Во время следующей встречи я познакомлю вас с моей близкой подругой, которая заведует обсервационным отделением в роддоме при сто двадцатой больнице. С ней вам придется иметь дело.

– Как скажете, Анна Яковлевна.

– Третье. Вам придется приложить максимум усилий, чтобы объяснить вашему супругу, почему вы хотите рожать только в сто двадцатой больнице. В обычном, ничуть не элитном роддоме. Лучше всего сказать, что вам показано кесарево сечение, ну, хотя бы по причине вашей близорукости и каких-нибудь дистрофических изменений сетчатки, которых у вас нет, но мужу об этом знать не обязательно, не так ли? А довериться вы можете только прекрасному специалисту Татьяне Яковлевне, которую вам рекомендовал кто-то из знакомых. Муж, конечно, может вас не понять, но вы должны настоять на своем…

«Не понять» – это еще мягко сказано, – подумала Верочка. – Гоша просто сбесится, если я скажу ему, что хочу рожать в обычном роддоме. Ну, ничего, справлюсь».

– Разумеется, Вера Денисовна, лежать вы будете не в обсервации, вместе со всяким сбродом, а в коммерческой палате.

– А кесарево будет на самом деле?

– Да, на самом деле, – подтвердила Анна Яковлевна. – Так надо в интересах дела. Да и вам, что греха таить, будет спокойней, ведь первые роды это весьма болезненный процесс.

– А как вообще все будет происходить?

– Об этом вам расскажет Татьяна Яковлевна. Да, имейте в виду – оплату вы должны произвести до госпитализации, иначе слова так и останутся словами. И всю сумму придется заплатить разом.

– Я вас поняла.

За время семейной жизни Верочке удалось втайне от мужа отложить примерно половину требуемой суммы. На черный, как говорится, день.

Остальное можно будет снять с карточки. Частями, тысячи по две-три, чтобы не возбуждать подозрений у Гоши. Ничего сложного, она справится, главное – чтобы дело выгорело. И уговорить мужа сможет…

Георгий Владимирович согласился на удивление быстро. Первой его реакцией было:

– Ты что, спятила?

Затем последовало:

– Ты хорошо подумала?

А после того как Верочка объяснила, что она чувствует каким-то сокровенным чувством, что только в золотых (и впрямь золотых, судя по запросам) руках Татьяны Яковлевны она сможет произвести на свет здоровое потомство, Георгий Владимирович сдался, правда с оговоркой.

– Ты только никому не рассказывай, где рожала, – поморщился он.

– Скажем всем, что в Лондоне, пусть обзавидуются. – Верочка закрепила свою победу нежным поцелуем и ушла в свою спальню, чтобы всласть поплакать, жалея своего несчастного сыночка Данилку.

Георгий Владимирович к Верочкиным слезам относился с пониманием. Беременным женщинам в его представлении полагалось много плакать. Тяжелый живот, гормональные сдвиги, предстоящие роды – как тут не поплакать?..

Татьяна Яковлевна оказалась копией Анны Яковлевны, только у той седина была платиновой, а у этой отливала сиреневым.

«Они же сестры!» – догадалась Верочка и сразу же почувствовала к Татьяне Павловне такое же расположение, какое испытывала к ее сестре.

– Я не буду вам мешать, – сказала Анна Яковлевна, – тем более, что мне надо подняться в дневной стационар.

После ее ухода в кабинете повисла напряженная тишина. Верочка думала, что ее собеседница начнет разговор первой, а та с улыбкой рассматривала ее, словно удивляясь: «Так вот ты какая, Вера Денисовна!»

– В общих чертах вы уже все знаете. – Татьяна Яковлевна заговорила тогда, когда Верочка уже решила, что они будут «играть в молчанку» до возвращения хозяйки кабинета.

– Знаю, но хотелось бы узнать поподробнее.

– Ваше право, Вера Денисовна, – и улыбка у Татьяны Яковлевны была точь-в-точь такой же, как и у ее сестры. – Итак, с самого начала. Вы наблюдаетесь здесь до тридцать восьмой недели, а потом укладываетесь к нам. Одноместную палату со всеми удобствами я вам обеспечу, за нее придется официально заплатить какие-то деньги, но это сущая мелочь. Вести вас будет одна из лучших наших врачей, она же и сделает вам кесарево.

– А вы? – вырвалось у Верочки.

Она хотела сказать, что хочет, чтобы ее оперировала Татьяна Яковлевна, но собеседница поняла ее несколько иначе.

– Я тоже буду заниматься делом, – ответила она. – Буду делать второе кесарево одновременно с вашим.

– Кому?

– Вера Денисовна, – укоризненно протянула Татьяна Яковлевна, словно разговаривала с неразумным ребенком, – конечно же той женщине, чьего ребенка надо будет обменять на вашего.

– А она не будет против? – задала дурацкий вопрос Верочка. – Или она тоже в доле?

– Она ничего не узнает, потому что будет находиться под наркозом. Ну, а сотрудники, разумеется, в доле, насчет них можете быть спокойны.

На затыкание чужих ртов как в медицинском центре, так и в роддоме предназначались пятнадцать тысяч из сорока пяти. Ртов было много, но «дачек» они требовали небольших – от пятисот до тысячи евро. Оставшиеся тридцать тысяч сестры делили между собой. Делили по справедливости, сообразно

степени риска. Анна Яковлевна брала себе десять, а двадцать оставались Татьяне Яковлевне. Все по-честному, по-родственному.

– А скандала не будет? – спросила Верочка.

Ей было непонятно, как так можно взять и вручить женщине дауна, вот, мол, мамаша, получайте. А если у нее скрининговые тесты были нормальными и УЗИ до последних дней беременности не выявляло никаких пороков?

– Никакого скандала! – решительно потрясла головой Татьяна Яковлевна. – Дело в том, что кандидатуру я буду подбирать из числа необследованных приезжих, я же заведую обсервацией, поэтому можете не беспокоиться.

– Приезжих? – заволновалась Верочка, представив себя в роли мамы чернявого скуластого малютки с миндалевидным разрезом глаз. Вот за это Гоша точно ее убьет. – Вы хотите сказать, что…

– Можете не беспокоиться, – повторила Татьяна Яковлевна. – Я подберу вам подходящую во всех отношениях кандидатуру. Конечно, большого внешнего сходства я гарантировать не могу, но то, что это будет ребенок от славянской матери, – обещаю. Группу крови тоже подберу подходящую, чтобы у вашего супруга не возникало сомнений. Только генетическая экспертиза отцовства сможет открыть глаза вашему мужу, поэтому вы не должны допускать ее ни при каких обстоятельствах. Надеюсь, ваш муж не подозревает, что отцом вашего ребенка может оказаться не он, а какой-либо другой мужчина?

– Нет! – твердо ответила Верочка.

Она была примерной женой, завзятой домоседкой, и Гоша никогда не высказывал ни малейших сомнений в ее верности.

– Очень хорошо. Насколько мне известно, вашему мужу не терпится стать отцом, не так ли?

– Так, – кивнула Верочка.

– Тогда он с первого дня уверится в том, что ваш ребеночек – его копия. Мужчинам очень важно доказывать всем – как себе, так и окружающим, что ребенок больше похож на него, чем на мать, и это здорово.

– Почему?

– Потому что люди видят не то, что находится у них перед глазами, а то, что они хотят увидеть. Насчет здешней документации тоже можете не беспокоиться, Анна Яковлевна уберет из вашей карты все лишнее.

– Спасибо, – выдохнула Верочка.

Господи! Как же ей повезло, что рядом с ней оказались такие хорошие люди. И не в деньгах тут дело, а в доброте. Другие бы и за сто тысяч не пошли бы навстречу. Выкручивайся сама как знаешь. Вот ведь как бывает, сначала не повезет, а потом сразу же повезет. Впрочем, если бы ей повезло сначала, то дальнейшего везения и не потребовалось бы. Ой, нельзя так думать, судьбу гневить…

– Вера Денисовна, если у вас нет больше вопросов, то давайте обсудим, каким образом вы произведете оплату.

– Я могу принести деньги куда скажете.

– Неудобно – слишком большая сумма. Лучше возьмите в банке ячейку на предъявителя, положите туда деньги, а ключ передайте мне во время очередной встречи с Анной Яковлевной. Где-нибудь ближе к концу срока.

– Какой банк вам предпочтительнее?

– Безразлично, Вера Денисовна, желательно только, чтобы отделение находилось в центре. Так мне будет удобнее, ведь я живу на Котельнической набережной…

Как Верочка дожила до госпитализации и не тронулась умом – одному Богу известно. Хуже всего было выносить Гошины беседы с сыном. (Про то, что у них будет мальчик, Верочка ему сказала: надо же порадовать человека). Гоша

проникся и завел моду по вечерам, разумеется, если Верочка не засыпала до его прихода, заваливаться к ней в спальню, осторожно ложиться рядом и разговаривать с «наследником». Кто бы мог предположить, что за таким брутальным фасадом, как Гошин, скрывается бездна сентиментальности! Во всяком случае, до сих пор Верочка никогда не видела своего грозного мужа сюсюкающим или подражающим голосам разных зверюшек. Даже в наивысшие моменты интимной близости Георгий Владимирович хранил на лице суровое, приличествующее настоящему мужчине выражение. А тут устраивал перед Верочкиным животом целые театральные представления – мяу-мяу, гав-гав, хрю-хрю. И что интересно, стоило Гоше подать голос, как «наследник» сразу же начинал двигаться. Нравилось, значит.

«Я – сука! Подлая, бесчувственная сука!» – думала Верочка в такие моменты и чуть ли не до крови закусывала губу. Невыносимо ей было смотреть на Георгия Владимировича в роли котенка, щенка или еще кого. Разнообразием исполнения Георгий Владимирович не баловал – сучил руками, подминая под себя шелковую простыню, но какой радостью светились его глаза, сколько счастья в них было!

Когда муж, наигравшись, уходил к себе, Верочкины мысли меняли направление. Достигнув дна колодца, она отталкивалась ногами и устремлялась вверх.

«Я же не делаю ничего плохого, – убеждала себя она. – Этот все равно ничего не понимает и не поймет, какая ему разница. Ну – слышит он звуки, ну – дернет ручкой или ножкой…» Конечно же, Верочка понимала, что по отношению к своему собственному ребенку она поступает не совсем хорошо, но искренне верила в то, что сможет искупить этот грех, полюбив всей душой чужого малыша. «Зато я сделаю счастливым мальчика из бедной семьи», – думала Верочка. Бедная семья рисовалась ей чем-то вроде ее собственной: маленький провинциальный город, грязная квартира с обшарпанными и закоптившимися от табака стенами, вечно пьяные родители и беспросветная тоска. Тоска, тоска, тоска, тоска, тоска… И вот благодаря ей мальчик избегнет такой страшной судьбы. Она даст ему все, что будет в ее силах, она больше никого не станет рожать, чтобы не пришлось делить свое внимание между ним, Данилкой, и кем-то еще. О, она станет образцовой матерью, такой, какой свет еще не видывал! Только бы все получилось, только бы все удалось, только бы Гоша ничего не заподозрил!

Да и Гоше она делает великое благо, уберегая его от огромного разочарования, которое (тьфу-тьфу-тьфу!) может очень плохо закончиться. Мужчины – они ведь

такие слабые и ранимые, несмотря на всю свою кажущуюся силу… Их надо беречь и беречь!

Засыпала Верочка умиротворенной и даже немного годясь собой. Вот какая она – взвалила на себя груз неимоверной тяжести и несет его, не жалуясь и не ропща. Несет и будет нести, может, именно в этом и заключается смысл ее жизни. Недаром же говорят: «Кого Бог любит, того и испытывает». Значит – ее Он любит. Это хорошо, это значит, что все у нее получится.

В один из вечеров Георгий Владимирович попросил Верочку познакомить ее с чудо-врачом Татьяной Яковлевной.

– Хочется на нее посмотреть, – честно признался он. – Хочу понять, чем это она тебя так взяла.

– Пожалуйста, – согласилась Верочка и потянулась к лежащему на тумбочке мобильнику.

Сообщила Татьяне Яковлевне, что муж жаждет знакомства, и спросила, когда можно будет им встретиться.

– Да пусть прямо завтра и приезжает ко мне на работу, – разрешила Татьяна Яковлевна. – Заодно и покажу ему, в каких условиях вы будете лежать. Передайте ему трубку, пожалуйста…

Из роддома Георгий Владимирович приехал задумчивый и тихий. То ли знакомство так впечатлило, то ли родильным домам свойственно производить на мужчин подобное действие.

– Ну как? – осторожно спросила Верочка.

– Роддом так себе, но Татьяна твоя чисто бриллиант в навозной куче, – ответил муж.

Верочка поняла, что возражений по поводу ее госпитализации не будет.

– Только вот коммерческие палаты там блоком, – добавил Георгий Владимирович.

– И что с того?

– На две палаты – один санузел. Не очень то… Давай я тебе весь блок оплачу!

– Гоша, ты так меня балуешь! – Верочка протянула к мужу руки, изображая порыв души. На большее она с ее животом была уже неспособна.

– Кого же мне еще баловать? – умилился муж. – Ты у меня одна.

Тут он немного слукавил. Верочка точно знала о трех своих «заместительницах», но скорее всего были и другие. Ну и пусть. Те – увлечения, а она – законная жена, мать их общего ребенка. Ее позиции прочны и незыблемы. Стоит ли расстраиваться по пустякам? Конечно же нет!

Поцеловав Верочку в щечку (ну прямо как пятиклассник), Георгий Владимирович ушел. Верочка выждала немного – вдруг он вспомнит что-нибудь и вернется, и позвонила Татьяне Яковлевне.

– Вы – волшебница! – восхищенно и сбивчиво заговорила она услышав знакомое «Да-а?». – Что вы сделали с моим… что так понравились моему мужу? Он просто очарован вами!

– Но вы, Вера Денисовна, я надеюсь, не ревнуете? – рассмеялась Татьяна Яковлевна.

– Нет, ну что вы! – Вначале Верочка приняла ее слова всерьез и лишь спустя несколько секунд поняла, что это была шутка. – Как вам это удалось?

– Врач должен уметь находить общий язык не только с пациентами, но и с их родственниками. Это азы нашей профессии…

Выкупить весь блок Георгию Владимировичу не удалось – на момент Верочкиной госпитализации пустых блоков не было. Верочка по этому поводу не переживала – ее мысли были заняты другим.

Первую ночь в палате она не сомкнула глаз. Вначале хотела убежать отсюда, убежать прямо так – в ночнушке, халате и в тапочках. Потом, конечно, поплакала в подушку, чтобы не поднимать шума. Когда подушка намокла так, что хоть отжимай, начала мысленно разговаривать со своим ребенком, объясняя ему, что никак не может поступить иначе и что если бы не эта «комбинация», то ей бы пришлось сделать аборт и он бы, несчастный малютка, вообще бы не увидел белого света. А так хоть увидит… Эх, велика ли радость?

Утром набежали врачи – Татьяна Яковлевна, палатный врач Инесса Казимировна, хмурый анестезиолог по фамилии Куцелай, какой-то доцент… Все задавали вопросы, осторожно щупали живот и груди и поминали кесарево сечение. В пятом часу Татьяна Яковлевна забежала попрощаться.

– Освоились уже? – улыбнулась она.

– Освоилась, – подтвердила Верочка.

– Больше плакать не будете?

– А что – разве было слышно?

– Подушка вон до сих пор влажная. Я сейчас скажу, чтобы ее поменяли.

– Спасибо, Татьяна Яковлевна. Вы – моя добрая фея. А когда будет операция?

– Ну уж точно не завтра, – подумав немного, ответила Татьяна Яковлевна. – Да, завтра никак не получится. А вот послезавтра – возможно, очень даже возможно.

На том и расстались.

Назавтра Татьяна Яковлевна появилась у Верочки около полудня.

– Готовьтесь, – с порога сообщила она. – Завтра будем оперировать. Пока вы будете в оперблоке, ваши вещи перевезут в послеродовое отделение.

– А разве…

– Там у вас будет такая же отдельная палата, только уже с пеленальным столиком. Недельку пролежите, привыкнете к своему новому статусу, привыкнете к ребенку и поедете домой! С малюткой на руках.

С первого взгляда ребенок, привезенный медсестрой в маленькой каталке, Верочке не понравился. Она ожидала увидеть румяного бутуза, похожего на тех, которые рекламируют памперсы, а ей принесли какого-то головастика со сморщенным личиком.

– А это мой ребенок? – осторожно поинтересовалась Верочка.

– Он самый. – Медсестра положила ребенка на столик, высвободила из пеленки крошечную ручку и, сверившись с клеенчатой биркой, висевшей на ней, подтвердила: – Никакой ошибки.

– Какой-то он такой… – упрямилась Верочка.

– Новорожденные – они все такие, – грубовато ответила медсестра. – Не верите – можете на соседских посмотреть.

– Верю, верю, – поспешила ответить Верочка.

Медсестра распеленала ребенка полностью, чтобы продемонстрировать его матери во всей красе, затем запеленала и посоветовала:

– Вы сядьте сначала, а потом я вам его на руки дам, чтобы не уронили с непривычки. Сидеть-то как – больно, небось?

– Больно, – ответила Верочка, – но терпимо.

Она осторожно, бочком присела на край кровати и попросила:

– Только вы, пожалуйста, на всякий случай стойте рядом…

Ко дню выписки Верочка уже успела забыть все плохое, словно его никогда и не было. Она уже почти искренне верила в то, что этот ребенок – ее ребенок, ее

Данилка, тот самый, который так бурно реагировал на отцовское мяуканье. Верочка нашла, что хоть сын внешне больше пошел в отца, но выражение лица у него ее, мамино. А когда Данилку прикладывали к груди, то он сопел и чмокал губами в точности так же, как спящий Георгий Владимирович.

Сам же Георгий Владимирович утверждал, что спящий Данька (Верочкино «Данилка» ему категорически не нравилось) – ну прямо копия спящей Верочки.

– Вы оба спите так сосредоточенно, как будто работу работаете, – повторял он.

* * *

– Выписали сегодня нашу Веру, – доложила сестре Татьяна Яковлевна. – Все нормально. В субботу заеду к тебе на обед.

– Я сварю грибной суп и нажарю котлет, – пообещала Анна Яковлевна.

– А на гарнир – тушеную брюссельскую капусту! – потребовала сестра.

Она распоряжалась по праву старшей, родившейся десятью минутами раньше.

– Непременно, – заверила Анна Яковлевна и дала отбой.

По телефону много не скажешь, но все было ясно и так, без слов. В субботу сестра привезет ксерокопии истории Вериных родов, истории родов «донора» и еще кое-каких документов, могущих впоследствии оказаться полезными.

Они лягут в личную Верину папку – пластиковый конверт, в котором уже лежат ксерокопия Вериной карты из медицинского центра, оригиналы настоящих скрининговых тестов и первая, соответствующая реальному положению вещей, запись консультации генетика. Вера Денисовна очень перспективная клиентка, ее можно будет «доить» до бесконечности.

Анна Яковлевна покосилась на антресоль, где в двух картонных коробках из-под телевизоров хранился их общий архив – гарантия обеспеченной старости, и самодовольно улыбнулась.

История третья

Отдай даром!

Гильденстерн:

Расспрашивать себя он не дает

И с хитростью безумства ускользает,

Чуть мы хотим склонить его к признанью

О нем самом.

Уильям Шекспир, «Гамлет, принц Датский»[8 - Перевод М. Лозинского.]

– За последние пять лет вы сменили три места работы, – главный врач не носил очков, но по тому, как далеко от глаз держал он трудовую книжку Антона, легко можно было догадаться о его дальнозоркости, – три поликлиники. И везде работали на участке… В чем дело?

Волосы у главного врача были неестественно черными, без единого седого волоса. «Красится, – подумал Антон. – Очков не носит, волосы красит, галстук вон какой нацепил. Все с вами ясно, Анатолий Васильевич. Бабник вы, котяра мартовский».

Бабник – это хорошо. Для бабников была у Антона особая легенда, которую он про себя называл мелодраматически-сентиментальной. Отставным военным полагалась легенда «мужская», дамам предпенсионного и пенсионного возраста – «сопливая со слезой», а тем, что помоложе, – тоже «сопливая», но уже без слезы. Проколов ни разу не было, потому что довольно посредственный врач Лебедев был блестящим психологом. Тем, как говорится, и жил-кормился.

– Скучно мне на одном месте, Анатолий Васильевич, – «признался» Антон, – работа у нас рутинная, а если еще и на одном месте сидеть, то вообще мхом обрастешь.

Говорил он неискренне, как будто заранее заученный урок отвечал. Да еще глазами побегал туда-сюда, заодно и обстановочку оценил. Обстановка может рассказать о человеке больше, чем он сам о себе знает. Цепкий глаз Антона уцепился за початую бутылку «мартеля» ХО, выглядывавшую из-за книг, приметил дорогой, явно не рыночный, кожаный пиджак, висевший не просто на крючке, а на плечиках, углядел массивную малахитовую пепельницу в углу подоконника.

– Что-то мне не верится насчет скуки, – проявил проницательность главный врач, – такое объяснение можно услышать от вчерашнего студента, а вам ведь уже…

– Сорок два, – немного заискивающе подсказал Антон.

Встретив взгляд главного врача, он тут же отвел глаза куда-то вбок и для усиления впечатления немного поерзал на стуле. Дешевый дерматин противно заскрипел: «Врешь! Врешь!»

– Пьете? – Фантазия у главного врача была никудышной. – Запоями?

– Нет! – Тут уже можно было и в глаза посмотреть, и голос сделать потверже. – Правду же говорю, не лгу.

– А если я позвоню? – прищурился главный врач.

– Звоните, – так же твердо сказал Антон. – Я вообще к спиртному равнодушен. Так, если пригублю когда по случаю…

– А случай бывает по два раза на дню? – гнул свою линию главный врач.

– Лучше позвоните вашим коллегам и спросите – видел ли кто-нибудь меня хоть раз нетрезвым, – разыграл оскорбленную добродетель Антон. – Им вы поверите больше, чем мне…

– И позвоню! – с нажимом сказал главный врач. – И спрошу! Про алкоголь, про продажу больничных листов, про выписку «левых» рецептов…

– Спрашивайте, Анатолий Васильевич. – Здесь была уместна небольшая фамильярность, совсем небольшая. – Заодно можете спросить, не грублю ли я больным и не сижу ли на каждом вызове по два часа. Мне в коридоре подождать или в другой день зайти?

– Подождите, пожалуйста, в коридоре, – ответил главный врач.

Позвонил. Скорее всего, только в одно место, потому что меньше чем через пять минут выглянул в коридор и пригласил:

– Заходите, Антон Станиславович.

«Уже и имя-отчество запомнил, – удовлетворенно отметил Антон. – Осталось раскрыть „истинную“ причину, и можно будет писать заявление».

Пять лет назад, уйдя из очередной поликлиники, Антон обзавелся новой трудовой книжкой, согласно которой он тринадцать лет после окончания института проработал в одной и той же поликлинике. Если бы не эта предосторожность, то сейчас его трудовая уже стала бы двухтомником. Наверное, скоро придется повторить эту операцию. Не любят у нас летунов. При социализме, кажется, даже был такой лозунг: «Летуны разрушают производство».

– Непонятная какая-то складывается ситуация, Антон Станиславович. Администрация характеризует вас как добросовестного, аккуратного и неконфликтного сотрудника. Вы на хорошем счету, у вас участок рядом с поликлиникой, вас ценят, и вдруг вы собираетесь бросить все и уйти на новое место. Живете вы где?

– На Гальперника.

– Значит, и на работу вам придется ездить дальше. Нелогично как-то. Или вы что-то от меня скрываете, или вы не совсем здоровы… с точки зрения психиатрии, скажем так. Я не склонен покупать кота в мешке, поэтому вам придется объяснить мне истинную причину ваших переходов с места на место.

– Вы не оставляете мне выхода, Анатолий Васильевич… – вздохнул Антон.

– Совсем нет, – возразил главный врач. – Выход находится за вашей спиной. Вы вправе встать и уйти прямо сейчас, ничего не объясняя.

– Ну, хорошо, – после минутной паузы «решился» Антон. – Я скажу вам правду…

Чтобы «правда» не вызывала никаких подозрений, ее нельзя выкладывать сразу. Собеседник должен вытащить из тебя правду, вывести тебя на чистую воду, упиваясь своей проницательностью. Только тогда он поверит в то, что ты ему наплетешь.

– Как мужчина мужчину вы меня поймете…

Глаза главного врача оживились, а на губах появилась кривоватая улыбка.

«В яблочко», – констатировал Антон.

Эта поликлиника была ему очень нужна. Непаханое поле, целина…

– Есть у меня один недостаток, – Антон потупил взор, – слабость к женскому полу. Который уже раз говорил себе – никаких отношений с пациентками, это же хуже любого служебного романа, но как только увижу симпатичную женщину и пойму, что я ей нравлюсь как… Эх, что там говорить.

Теперь можно было робко заглянуть в глаза главному врачу, словно интересуясь его реакцией. А ну как заорет «мне тут кобели не нужны!» и выгонит вон.

Конечно же – не заорал. Напротив – смотрел с пониманием, даже сочувствующе.

– Так это вы из-за женщин бегаете из одной поликлиники в другую? – уточнил главный врач.

– Да, из-за них. Каждый раз говорю себе – все, финита ля комедиа, и каждый раз… Поначалу-то все хорошо, а потом начинают преследовать, на улице подстерегают, скандалить пытаются… А я не люблю конфликтов и вообще всякого шума, вот и приходится уходить в другое место.

– Значит, надолго на вас рассчитывать нельзя, – подумал вслух главный врач.

– Теперь – можно! – Антон слегка повысил голос и тут же уронил его ниже прежнего. – Женюсь я. Скоро. Так что больше никаких полевых романов, Анатолий Васильевич.

– Утерпите ли? – рассмеялся Анатолий Васильевич и шутя погрозил Антону пальцем.

– Буду стараться, – вздохнул Антон. – Пора уже семьей обзаводиться, детишек растить.

– Детишки – это хорошо, – одобрил главный врач. – Ради них и живем. Пишите заявление с…

– Мне две недели отработать придется, – вставил Антон. – Чтоб по-людски…

Зачистка хвостов – святое дело. Если не привлекать к себе лишнего внимания – требуется не меньше недели. Три-четыре карты в день можно незаметно вынести из регистратуры, а вот стопку из двух десятков карт – навряд ли.

– …с семнадцатого июня, – подсчитал главный врач.

– Спасибо, Анатолий Васильевич, – прочувственно сказал Антон, ради усиления эффекта встав со своего стула. – Я не подведу!..

Поликлиники настолько похожи друг на друга, что к новой привыкаешь за день-другой. Идентичное расположение кабинетов, однообразные плакаты и стенды, похожие друг на друга начальники.

Дородная, величавая дама с короткой стрижкой и твердой поступью – заместитель главного врача по лечебной работе. Ее слегка уменьшенная, но зато более громогласная копия – главная медсестра. Вечно спешащая дама, которой все сотрудники уступают дорогу (попросту говоря – шарахаются от нее) – заместитель главного врача по клинико-экспертной работе, иначе говоря – глава и единственный представитель поликлинической службы собственной безопасности…

Высокое начальство Антона не интересовало. Другое дело – заведующая отделением. С ней по любому надо поддерживать хорошие отношения, чтобы спокойнее работалось.

Заведующая Ирина Григорьевна оказалась крепким орешком. Исчерпывающую информацию о ней Антону предоставила медсестра Зина. В первый же час совместной работы.

– Ируська у нас с норовом, – не стесняясь присутствия пациентов, тараторила Зина. – Генеральская дочка, вся из себя перебалованная. На хороших местах не удержалась – докатилась до нашей помойки и приросла тут, не выдернешь… Живет только работой, больше ей жить нечем, потому что мужики бегут от нее как от огня. Даже котика не может себе завести, потому что аллергия мешает. Так что остается ей только одно – завалиться дома на диван и смотреть кины?…

Узнав все что требовалось, Антон нахмурился и строго сказал:

– Зинаида Николаевна, я вас очень прошу не говорить о коллегах и, тем более о начальстве в подобном тоне. Сказано же в Писании: «Не судите, да не судимы будете»[9 - Матф. 7:1.].

Репутация правильного, совестливого, религиозного человека малость не от мира сего была фундаментом, на котором стоял бизнес Антона.

– Я думала, вам интересно, – огрызнулась Зина и пробурчала себе под нос нечто невнятное, явно не совсем цензурное.

– Вы мне лучше расскажите о наших хрониках, – попросил Антон. – В первую очередь о тех, кто одинок и нуждается в повышенном внимании. Я же здесь у вас человек новый и никого не знаю.

– А сейчас одни одинокие, можно сказать, и вызывают. – Зина уже отошла и была готова обрушить на симпатичного доктора новую порцию сведений. – Неодиноких дети с племянниками по дачам развезли, свежим воздухом дышать. Только не думайте, Антон Станиславович, что вам с наших стариков кроме кляуз чего-нибудь обломится. Не тот народ, не тот участок.

– А что с участком не так? – искренне удивился Антон.

– Рабочий район, – Зина смешно наморщила носик, – Метрострой, завод «Серп и Молот», комбинат ЖБИ[10 - Железобетонных изделий.]. Голимый пролетариат.

Последняя фраза была произнесена с презрением, приличествующим потомкам князей Белосельских-Белозерских или Трубецких. На княжеское потомство Зина явно не тянула – ни внешностью, ни манерами.

– Люди везде одинаковы, – назидательно сказал Антон. – А насчет того, что «обламывается», вы зря говорите. Я взяток и подачек не беру.

– А на что же вы живете? – удивилась Зина.

– На зарплату, – ответил Антон. – Тем более что в последнее время ее неплохо так подняли.

Он действительно не брал ничего со своих пациентов. Зачем размениваться по мелочам, если можно зарабатывать по-крупному. Так выгоднее да и спокойнее. В прежней поликлинике за год под суд пошло два врача – участковый терапевт и невропатолог. Оба выдали без оснований больничные листы «засланным казачкам». Терапевт за семьсот рублей, невропатолог за тысячу. Ну не уроды ли? Как есть уроды – получить три года условно за какие-то копейки. Невропатолог потом выла в вестибюле и жаловалась всем на то, что подставила ее знакомая женщина, не раз до того пользовавшаяся ее добротой. Кино и немцы!

Переписывая после приема на листочек адреса из журнала вызовов, Антон услышал, как за стенкой Зина рассказывала кому-то:

– Что-то слишком он правильный, не иначе как импотент.

– Почему? – спросил женский голос.

– Потому что ничего ему не надо и ничего-то его не интересует. Но вежливый и не орет…

«Когда придет время, так и надо будет написать на моем надгробии: „Он был вежлив и не повышал голоса“, – подумал Антон.

Списав адреса, Антон заглянул в регистратуру и бегло ознакомился с амбулаторными картами тех, к кому ему предстояло идти. Работа на новом месте начиналась удачно – уже в первый день появилось нечто многообещающее и заманчивое. Добрый знак. Антон, при всем своем рационализме, был суеверен и верил во всяческие приметы и знамения.

«Нечто многообещающее» открывало дверь так долго, что Антон уже было собрался звонить соседям по лестничной площадке. Участковый терапевт не может просто так развернуться и уйти, если ему не открыли дверь. Потом не докажешь, что ты вообще приходил, поэтому надо показаться кому-нибудь из соседей.

– Кто это? – едва слышно просипели из-за двери.

– Врача вызывали?!

– А вы разве врач? – не поверили за дверью. – Не похожи…

– Позвоните в поликлинику и спросите, работает ли у них доктор Лебедев Антон Станиславович, – громко и отчетливо сказал Антон и добавил для пущей ясности: – Я – новенький, первый день сегодня.

Защелкали замки, следом послышался шорох отодвигаемого засова и дверь приоткрылась.

– Заходите, – пригласил голос.

– Спасибо, – с легким оттенком иронии поблагодарил Антон и перешагнул через порог.

Интуиция, кажется, не обманула – в прихожей ощутимо пахло одинокой старостью. Непередаваемый, но весьма характерный запах – смесь запахов лекарств, немытого тела, плесени, пыли и чего-то еще.

– Где можно сполоснуть руки? – спросил Антон.

Простое, можно сказать – закономерное желание, но как оно действует на пациентов! Все давно привыкли к тому, что врачи, приходя на дом, не моют рук, и если попадается какой-нибудь чокнутый чистюля, то к нему сразу же проникаются расположением.

– Сюда, пожалуйста, доктор, – засуетилась пациентка. – Ой, только там чистого полотенца нет…

– Ничего страшного, Мария Федоровна, у меня носовой платок есть. Чистый.

– Ой, батюшки, а откуда вы знаете, как меня зовут? – всплеснула руками старуха, обдав Антона кислым ароматом многодневного пота. – Вы же новенький!

– Перед тем как к вам идти, я ознакомился с вашей амбулаторной картой, – сказал Антон, осторожно, чтобы не сорвать, поворачивая допотопный кран.

– Это правильно, – одобрила Мария Федоровна и добавила: – В наше время сознательные люди редкость…

После выписки рецептов Антон начал зондировать почву.

– Лекарства лекарствами, – вздохнул он, – но в городе в такую жару лучше бы не сидеть. И кислорода в воздухе мало, и сердцу от повышенной температуры лишняя нагрузка. Особенно с вашим весом.

– Кто ж спорит! – хмыкнула пациентка, при невысоком росте весившая не меньше центнера. – Только нет у меня дачи…

– У вас нет, так может у кого из родственников есть, – предположил Антон. – Разве не войдут в положение?

– Нет у меня никаких родственников, – пригорюнилась Мария Федоровна, – одна я на белом свете. Был сын, да его в тюрьме убили…

На выяснение родственного анамнеза ушло минут двадцать. Можно было бы управиться и за пять, если задавать наводящие вопросы, но проявлять излишний интерес к теме не следовало. Пусть лучше старуха сама все выболтает, а он сделает вид, что слушает только из вежливости.

– Ко мне тут не раз подкатывались, чтобы я свою квартиру им за уход завещала, но я в такие игры не играю.

– Совершенно верно делаете, Мария Федоровна, – поддержал Антон. – Никому в таком вопросе верить нельзя, ни своим, ни тем более чужим. Поначалу все мягко стелют, да много обещают, а когда все бумаги подписаны – только и думают о том, как бы вас поскорее со свету сжить.

Старуха и впрямь перспективная, хорошее начало на новом месте, не хватало еще, чтобы она связалась с какими-нибудь аферистами.

– На прежнем моем участке одна женщина батюшке поверила, казалось бы – кому еще верить, как не батюшке? Так он оказался с бандитами связан…

– Батюшка! – ахнула старуха.

– Батюшка, – подтвердил Антон. – Задушили ту женщину потом подушкой, а квартиру к рукам прибрали.

– Господи! Страсть-то какая! – мелко закрестилась Мария Федоровна. – А священник этот, наверное, липовый был?

– Самый что ни на есть настоящий, – вздохнул Антон. – Только дьявол его с пути сбил.

Расстались почти друзьями.

– Я вас, Антон Станиславович, попусту дергать не буду, – пообещала Мария Федоровна, провожая Антона. – Вы уж сами раз в три-четыре недели, когда в нашем подъезде окажетесь, загляните ко мне, чтобы рецепты выписать. А я вам сразу вызов сделаю, чтобы, значит, нагрузку вы свою не теряли. Эх, жизнь… Раньше, помнится, на два месяца сразу таблеток выписывали, так я и вызывала

куда реже.

– Загляну, Мария Федоровна, – заверил Антон и, словно не в силах сдержаться, признался: – Уж больно вы на мою покойную бабушку, Анну Васильевну, похожи, царствие ей небесное…

– Ой спасибо вам, – растрогалась старуха. – А я вам когда-нибудь гостинчик припасу за доброту вашу.

– Вот этого не надо! – моментально посуровел Антон. – Никаких гостинчиков! Я к вам с душой, а вы про гостинчики сразу вспомнили. Эх, люди, люди…

И сразу ушел, оставив бабку раскаиваться в одиночестве. Ничего – пусть попереживает, ей полезно. Эмоции хороши хотя бы тем, что они окрашивают жизнь. Хорошая попалась старуха, подходящая по всем статьям, в том числе и по отсутствию маразма. С маразматиками связываться нельзя – может боком выйти. Однажды Антон уже наступал на эти грабли, больше не надо.

Отойдя подальше от дома, где жила Мария Федоровна, Антон вытащил из висящего на поясе чехла мобильник и позвонил Эдику.

– Привет, дружище, не ударить ли нам сегодня по пиву?

– Ударить. Когда?

– В восемь.

Место оговаривать не требовалось – оно всегда было одним и тем же. «Таганка»-радиальная в центре зала – очень удобно для скоротечных контактов.

Ровно в восемь справа от скучающего в ожидании Антона остановился Эдик. Антон незаметно для окружающих вложил в его руку листочек с данными Марии Федоровны и сразу же пошел прочь, едва сдерживая смех. Его ужасно забавляли все эти детские игры в конспирацию, но приходилось подчиняться – так уж поставил дело шеф.

Спустя два дня от Эдика пришла смс-ка: «Поздравляю!» Это означало, что бабка Мария Федоровна «прокачана» по соответствующим каналам и признана подходящей для их дела.

Антон начал действовать.

На следующий день после приема забежал в аптеку и купил три бутылочки сиропа шиповника. Закончив с вызовами, отправился к Марии Федоровне – начинать «прикормку».

– Ой, а я только о вас вспоминала! – обрадовалась та.

– Дурака вспомни! – пошутил Антон.

– Да разве я в этом смысле… – смутилась старуха.

Расположившись за круглым обеденным столом, Антон первым делом одну за другой выставил на него бутылочки с сиропом.

– У моей покойной бабушки сегодня день рождения, – торжественно сказал он. – Ей-то я уже ничего, к сожалению, подарить не могу, а вам, Мария Федоровна, могу. Не откажите, пожалуйста, принять мой скромный дар…

И так далее и тому подобное. В таких ситуациях патоки много не бывает. Лей, наливай, опомниться не давай. После продолжительной и, как и полагалось, немного сумбурной речи Антона они на пару прослезились, а затем Антон стал выписывать рецепты. Пока он был занят писаниной, Мария Федоровна вышла из комнаты, а вернувшись положила на стол перед Антоном новенькую пятидесятирублевую купюру.

– Это не гостинец, – сказала она, встретив недоумевающе-оскорбленный взгляд Антона. – Это я вас прошу от моего имени поставить свечку за вашу бабушку, чтобы ей там, на небесах, ни в чем отказу не было.

– Спасибо, Мария Федоровна. – Антон взял полтинник, аккуратно сложил его пополам и сунул в задний карман джинсов.

«До Нового года ждать очень долго, – подумал он. – Ничего, справили бабушкин день рождения, в следующий раз отметим дату смерти и окончательно породнимся. Что тянуть с хорошим делом?»

До отмечания даты смерти следовало сделать главное, из-за чего вообще и затевался весь сыр-бор, – получить у Марии Федоровны собственноручную подпись по всем правилам (с собственноручной же расшифровкой фамилии, имени и отчества) на двух чистых листах бумаги. «Сценариев» получения подписи у Антона было больше дюжины, и все они были не раз отработаны. Оставалось только выбрать самый подходящий.

Без долгих раздумий Антон остановился на варианте «Жалоба» как наиболее подходящем для данного случая. Ошибка в выборе варианта грозила полным провалом дела. Собственно, с начала деятельности провалов у Антона было всего два, и один из них произошел по причине неправильного «сценария».

Безногий алкаш Юрий Матвеевич, которому Антон предложил поучаствовать в международной программе по профилактике цирроза печени («Чудо-препарат, мертвого на ноги ставит и для ветеранов войны совершенно бесплатно, только заявление надо написать»), нажаловался на него в окружной отдел здравоохранения – мол, участковый терапевт Лебедев пытался продать ему гербалайф. Откуда в воспаленных от беспробудного питья мозгах Юрия Матвеевича возник гербалайф и в каком похмельном угаре привиделось ему, что доктор Лебедев предлагает что-то купить, Антон так и не понял. Написал на работе объяснительную, получил полагающийся выговор и зарекся иметь дело с безмозглыми. К Матвеичу больше не подкатывался – не вышло, значит так и надо. Отвела судьба в сторону от гнилого дела…

Выйдя из подъезда, Антон сел на ближайшую лавочку и полез в сумку за сигаретами. Он никогда не курил на ходу – не было удовольствия. Пока пускал аккуратные колечки дыма, обдумывал план действий, точнее – распределял очередность. Кроме Марии Федоровны в разработку успели попасть еще двое – старуха Зеленцова, между прочим, бывший врач-фтизиатр, и сорокалетний алкаш Боренька (официально – Борис Сергеевич), инвалид политуры и денатурата.

Первым номером без вопросов шла Мария Федоровна, вторым после недолгого раздумья Антон решил пустить Бореньку, пока его не перехватил кто-нибудь другой, а третьей пусть будет бабка Зеленцова.

В принципе, не составляло труда «оприходовать» всех троих скопом за неделю, но шеф требовал, чтобы между «случаями» был промежуток не менее двух-трех недель, и даже соблаговолил объяснить, чем вызвано такое требование.

Дело в том, что наследственными делами занимаются определенные нотариусы, за каждым из которых закреплен свой район. У шефа был всего один доверенный нотариус. Если в череде наследственных дел по одному и тому же району будут идти друг за другом завещания, заверенные одним и тем же нотариусом и имеющие некоторое сходство в деталях, то это может вызвать нежелательный интерес.

В следующий раз Антон пришел к Марии Федоровне небритым и взволнованным. «Дергался» он так усердно, что старуха сразу же заволновалась.

– Вы не заболели, Антон Станиславович? – спросила она, стоило только Антону выйти из темного коридора в залитую солнцем комнату. – Что-то лица на вас нет.

– Не заболел, Мария Федоровна, – мрачным голосом ответил Антон. – Но лучше бы заболел, чем…

Оборвал себя на полуслове и вытащил из сумки тонометр.

– Да погодите вы с давлением, никуда оно не убежит, – отмахнулась старуха. – Лучше расскажите, что у вас случилось.

– Ничего хорошего, – словно нехотя начал рассказывать Антон. – Две недели назад был на вызове у молодого парня, который напился с утра пораньше и вызвал врача, чтобы получить больничный. Я ему больничный не дал, конечно, а он написал на меня жалобу в департамент здравоохранения.

– Вот подлец! – всплеснула руками Мария Федоровна.

– И не говорите!

– Написал, что это я пришел к нему пьяным, прошел в грязной обуви в квартиру, ругался матом и… Чего только не написал.

Горчайший вздох, приличествующая случаю пауза и главные слова:

– Увольняют меня, Мария Федоровна…

– Это как?!

– А вот так. Главный вчера вызывал и сказал – пиши-ка по собственному, пока по статье тебя не поперли. У нас же как – клиент всегда прав. Я, конечно, написал кучу объяснительных, но что толку? Нам, врачам, никто не верит. А уходить ой как не хочется, только к людям привык…

Исстари так на Руси повелось – жалеть врачей и учителей. И подвижники они, и бессребреники, и вообще чуть ли не святые. Ну просто грех не воспользоваться!

Мария Федоровна дошла до нужной кондиции поразительно быстро.

– Вам не поверят – нам поверят! – Старуха разошлась не на шутку – даже кулаком по столу ударила. Несильно, впрочем, ударила, но все же было ясно, что яблочко созрело. Подставляй ладони и лови его, сладенькое. – Что это придумали – какому-то алкашу верить! Я сейчас же позвоню вашему главному врачу!

– Звонок не бумажка, его к делу не подошьешь, – осадил старуху Антон. – Да и главный тут ничего не решает – жалобу из департамента в округ спустили. Оттуда главному и велели меня выгнать, сам бы он не стал, не злой он человек.

– Я бумажки напишу! – Праведный гнев Марии Федоровны набирал обороты. – Только скажи куда и чего писать.

«Неужели сама собралась ручкой по бумаге водить?» – изумился Антон. С учетом слабого зрения, ревматоидного артрита и выраженного тремора старуха, по его расчетам, не могла написать самостоятельно больше строчки. Прекрасно поставленный «сценарий» грозил закончиться ничем. Эх, надо было применить вариант «Письмо президенту», но теперь уже поздно. Коней на переправе не меняют…

Зря только испугался – пронесло, Мария Федоровна быстро одумалась.

– Только как я напишу? – сказала она, поднося поближе к глазам подрагивающие узловатые пальцы. – Давай ты сам напиши, а я подпишу.

– Сам не могу, – усмехнулся Антон. – Узнают еще мой почерк и обвинят в подлоге. Лучше сделаем так – я напечатаю два экземпляра, один в департамент, другой в окружное управление, напишу от вашего имени, что вы меня знаете и никогда я к вам пьяным не приходил…

– И еще напиши, что ты культурный человек! Первый врач на моей памяти, который всегда без напоминания руки моет!

– Напишу и это. Спасибо вам за поддержку, Мария Федоровна…

– И завтра же с утра приноси подписать!

– Завтра не обещаю – беготни много. Я сейчас на два участка тружусь и еще через день то в департамент, то в управление езжу – объяснения давать. Замордовали совсем. В пятницу, если получится, загляну. Если к тому времени не уволят…

Соображала Мария Федоровна неплохо и потому сама предложила Антону подписать чистые листы, чтобы он сегодня дома, после работы, заполнил их и сразу же отправил по назначению. Все вышло как нельзя лучше, даже наводящие подсказки не понадобились. Пачечка чистых листов бумаги лежала у Антона в сумке. Он достал три листочка (одному предстояло играть роль «подкладки», чтобы мягче писалось), вручил старухе свою ручку и показал пальцем откуда начинать.

– Сначала полностью фамилию-имя-отчество, а потом уже подпись. Официальные документы полагается подписывать так.

– А серия и номер паспорта не нужны?

– Нет, это уже лишнее, – ответил Антон.

– А дата?

– Я напечатаю.

Во время письма Мария Федоровна совсем по-детски высовывала наружу кончик языка. Почерк у нее был не ахти, но в целом вполне разборчивый.

– Уф-ф-ф! – шумно выдохнула она, возвращая ручку Антону. – Аж сопрела вся от натуги. Эх, старость, старость…

«Недолго уже осталось небо коптить», – подумал Антон, убирая драгоценные листы в сумку, а вслух сказал:

– Спасибо вам огромное, Мария Федоровна.

– Пожалуйста, – ответила старуха и посоветовала: – Ты еще кого-нибудь попроси за тебя заступиться. Чем больше писем будет, тем лучше подействует. Только не тяни резину, а то поздно будет.

– Попрошу, – пообещал Антон. – Хороших людей много. Только вы сами никому не говорите насчет письма, а то пойдут ненужные сплетни…

Все старухи обожают сплетничать, но сами объектом сплетен становиться, разумеется, не хотят.

– Я не из таких, – поджала губы Мария Федоровна. – Мой принцип – «сделал добро – не вздумай им хвастать».

– Золотые слова, – похвалил Антон. – А теперь давайте измерим давление…

На середине выписки рецептов Антон вдруг поднял голову и попросил:

– Нельзя ли мне стаканчик водички, а то что-то в горле пересохло.

– Конечно можно. – Мария Федоровна медленно поднялась со своего стула и уточнила: – Вам кипяченой или из-под крана?

– Кипяченой, если не жалко, – улыбнулся Антон.

Стоило Марии Федоровне выйти из комнаты, как Антон с сумкой в руках метнулся к прикроватной тумбочке, на которой она хранила свои лекарства, и подменил початый блистер с таблетками капотена на принесенный с собой, не забыв выдавить из своего те же таблетки, которых уже не было на старухином. Самая главная таблетка, ради которой и был совершен обмен, при этой операции осталась нетронутой. Она была крайней в одном из двух рядов, и возле нее на фольге виднелась еле заметная вмятинка – отличительный знак. Вместо капотена – таблетка какого-то сильного снотворного, какого именно, Антон не знал да и не старался узнать. Меньше знаешь – дольше живешь. Он знал другое: тот, кто ее примет до еды, во время или после, вскоре тихо заснет вечным сном. Фирма в лице шефа гарантировала результат. Антону только надо было сказать, под какое лекарство следует замаскировать яд, и подложить его «клиенту». Игра стоила свеч – платил шеф щедро.

В блистере оставалось девять таблеток из четырнадцати. Старуха принимала в день три или четыре таблетки, в зависимости от самочувствия. Стало быть, жить ей осталось три дня.

К моменту возвращения Марии Федоровны Антон дописывал последний рецепт.

– Я загляну к вам через неделю, – пообещал он перед тем, как уйти. – Расскажу, чем дело закончилось.

– Буду ждать, Антон Станиславович, – проскрипела старуха.

«Жди, жди, – подумал Антон. – Дождешься, как же…»

В сумке у него лежал еще один «заряженный» блистер с таблетками. Всяко бывает – пару раз таблетка выпадала из дрожащих рук, а однажды сердобольная старуха угостила «особой» таблеткой опекавшую ее социальную работницу. У той, видишь ли, от беготни по магазинам подскочило давление и бабка ее полечила. Да так хорошо, что соцработник отдуплилась прямо в лифте. Ничего, пронесло: той было уже под шестьдесят, должно быть, смерть списали на первичную остановку сердца на фоне ишемической болезни. Сердобольную старуху из предосторожности пришлось «отложить» на три месяца. Во второй раз все прошло без сучка без задоринки.

Таблетки выручали не всегда. С алкашами вроде Бореньки приходилось действовать иначе, более рискованно. Что поделаешь: «не все коту творог, бывает и жопой о порог», – говаривала покойная бабушка Анна Васильевна, мать отца Антона. Хочешь жить хорошо – крутись. Такому ханыге, как Боренька, отравленные таблетки подсовывать бесполезно, ему надо добавлять яд в зелье. Добавить несложно, сложно было напоить Бореньку так, чтобы на Антона не легла даже тень подозрения. Ну и так, чтобы яд достался адресату – групповая гибель ханыг после распития бутылочки всегда вызывает вопрос: а не отравление ли это?

К счастью, лаборатория, работавшая на шефа – Антон был уверен, что лаборатория эта была одной из самых современных в столице как по оснащению, так и по уровню работавших в ней сотрудников, – так вот, лаборатория эта могла творить чудеса. В пределах разумного, конечно.

Антон изложил шефу свои соображения и спустя три дня получил пузырек коричневого стекла, закрытый хорошо притертой стеклянной пробкой и снабженный этикеткой, на которой от руки было написано «Спирт». Пузырек емкостью в сто миллилитров был почти полон.

– Сказали – лучше не открывать, – предупредил курьер Саша, передавший посылку.

Курьерские обязанности Саша выполнял в особо важных случаях. Основной его задачей был поиск перспективных клиентов. Только в отличие от Антона, Саша не участвовал в организации и проведении операций, он собирал информацию. Страховой агент – идеальное прикрытие.

План был прост – носить пузырек в сумке, пока Боренька не явится на прием. Приходил он часто – то клянчил снотворное, то какую-нибудь спиртосодержащую настойку, то еще чего-нибудь. По циррозу печени Боренька имел инвалидность второй группы, и лекарства ему полагались бесплатные. Поскольку Боренька был «перспективным клиентом», Антон иногда шел ему навстречу, за что потом выслушивал упреки от заведующей.

– Нам каждую среду (по средам в поликлинике проводились собрания) говорят о том, что надо экономить, что мы не укладываемся в лимиты, а вы, Антон Станиславович, балуете своих льготников.

– В законе ничего о лимитах не сказано… – начинал Антон, но Ирина Григорьевна взмахом руки обрывала его:

– Если лимиты существуют негласно, то это не значит, что их нет. Вы же понимаете – перерасход средств одного квартала переносится на следующий. Так мы в декабре вообще ничего и никому выписать не сможем.

– А как я могу отказать? – удивлялся Антон.

– Вам бы в девятнадцатом веке жить с вашими понятиями, – вздыхала заведующая, и на том все и заканчивалось.

Жить в девятнадцатом веке Антону никогда не хотелось. Он ценил блага, которые давал прогресс, и не собирался от них отказываться.

Во время приема большинство участковых врачей время от времени выглядывают в коридор – оценивают размер очереди, вовремя изгоняют из нее «чужих» больных и приглашают пройти в кабинет блатных. Антон не был исключением из этого правила, правда, «блатных» пациентов у него не было (справедливость прежде всего) и пришедших с других участков он никогда не отфутболивал, точно так же как никогда не отказывался сбегать на вызов на чей-то участок. Участков в поликлинике шестнадцать, и тот, кто замыкается только на своем, в шестнадцать раз снижает свои шансы…

Увидев в очереди Бореньку, Антон приветливо улыбнулся ему и спросил:

– Перед вами много народу?

– Трое, – ответил Боренька, с надеждой и мольбой поедая Антона глазами. Все ясно – не хватило похмелиться.

– Это недолго, – обнадежил Антон и пригласил в кабинет следующего.

Заполнив направление на ВТЭК третьей по счету посетительнице, Антон попросил медсестру:

– Зиночка, принесите мне, пожалуйста, карты наших инвалидов и участников войны. Что-то захотелось привести их в порядок, не иначе как со дня на день проверка придет.

– Хорошо! – Зина обрадовалась возможности размяться и почесать язычок с другими сестрами в регистратуре.

Следом за Зиной ушла пациентка. Она еще ковыляла к двери, а на столе у Антона уже появился заветный пузырек, поставленный таким образом, чтобы слово «Спирт» было хорошо видно тем, кто сидит сбоку на «пациентском» стуле.

– Видите, Борис Сергеевич, и четверти часа вы не прождали, – сказал Антон появившемуся на пороге Бореньке.

– Мне эти четверть часа показались годом, – ответил Боренька. – Что-то так плохо мне сегодня…

– Ой, прошу прощения, – Антон, словно вспомнив что-то важное, хлопнул себя по лбу и вскочил на ноги, – я буквально на минуточку. Срочное дело. Вы тут посидите, я кабинет запирать не стану…

С озабоченным видом вышел из кабинета, прошелся быстрым шагом до кабинета уролога Игоря Самуиловича, ткнулся в запертую дверь (Игорь Самуилович болел вторую неделю) и вернулся к себе.

Пузырька на столе не было.

Боренька чинно сидел на стуле и разглядывал потертые колени своих штанов.

– Итак, что вас беспокоит, Борис Сергеевич? – Антон сел за стол и развернул манжетку тонометра.

– Голова болит, трясет, дыхание перехватывает. – Ничего нового в Боренькиных жалобах не было.

– Давайте посмотрим…

Антон измерил Бореньке давление, сосчитал пульс, выслушал сердце и легкие и вынес вердикт:

– Ничего страшного – видно, хорошо выпили вчера, а с вашей печенью этого никак нельзя.

– Выпишете мне что-нибудь? – спросил Боренька.

– Не могу выписать то, чего вы ждете, – твердо сказал Антон. – Мне не жалко, но не могу. За мою доброту меня постоянно ругает начальство. Так и уволить могут.

Можно, конечно, было и выписать ханыге какую-нибудь настоечку – пусть гульнет напоследок. Но где гарантия, что в этом случае пузырек будет выпит Боренькой? Вдруг он сперва «оприходует» настоечку, а спирт оставит «на потом», да еще угостит им кого-нибудь из корешей? А так – ему просто нечем будет заливать пылающие трубы.

Насчет пузырька Антон не беспокоился – был уверен, что Боренька его выбросит сразу же, как тот опустеет. Пузырек не бутылка, денег за него не дадут, какой смысл таскать его с собой?

– Что ж мне теперь – подыхать?

Классический вопрос, на который так и тянуло ответить: «Да, и поскорее, пожалуйста».

– Могу вас госпитализировать, Борис Сергеевич, – предложил Антон, зная, что в больницу Боренька не поедет.

– Нет, не надо. А очередь моя не подошла?

Два чистых листа бумаги были подсунуты на подпись Бореньке в куче бланков, необходимых для участия в клиническом исследовании новейшего гепатопротектора. Здоровье Бореньку не интересовало, но Антон сообщил ему, что за участие в исследовании ежемесячно платят по двенадцать тысяч рублей (соблазнять – так соблазнять, заманивать – так заманивать).

– Еще нет, но скоро, – улыбнулся Антон, вкладывая в свои слова иной, неведомый собеседнику смысл.

– Ладно, раз так – пойду я… До свидания.

– Всего хорошего.

Антон повертел в руках Боренькину карту и решил не делать в ней записи. Незачем. Карту спрятал между другими и со стопкой карт в руках спустился в регистратуру.

– Эти можно разложить по местам, Наталья Викторовна, – сказал Антон регистраторше. – А Зина моя не у вас?

– Только что была, – ответила Наталья Викторовна, – наверное, вы с ней разминулись.

Неделей позже Антон узнал, что Боренька отдал концы на ближней к своему дому автобусной остановке. По иронии судьбы первой сообщила ему об этом старуха Зеленцова, которая хоть и не выходила из дому, но благодаря телефону была в курсе всех местечковых новостей.

– Вот ведь повезло человеку, – сказала она, не скрывая зависти.

– Повезло, Инна Семеновна? – переспросил Антон. – В чем?

– Легкую смерть ему Бог послал. Я как врач навидалась много разного и признаюсь как на духу – завидую всем, кто умирает скоропостижно. Это куда лучше, чем гнить заживо от рака или годами валяться парализованной. Знаете, Антон Станиславович, чего я каждый день прошу у Бога? Легкой смерти. Чтобы раз – и я уже на небесах.

– Я думаю, Инна Семеновна, что ваша просьба непременно будет услышана, – заверил Антон. – Вы человек светлый, добрый, и смерть у вас будет легкая. А сейчас, пожалуйста, приготовьтесь к осмотру…

После осмотра Антон обсудил с Инной Семеновной плачевное состояние отечественной медицины, посетовал на некомпетентность министерства и рассказал в качестве примера парочку «случаев из жизни». Вздорный и кляузный характер Зеленцовой как нельзя лучше подходил для нового, еще ни разу не опробованного сценария «Петиция». Антон собирался дать подписать Зеленцовой какое-нибудь письмо в чью-нибудь защиту или наоборот – осуждающее кого-нибудь. Если довести старуху до нужной кондиции, то она и не заметит, что среди прочих попадутся два чистых листа бумаги. Надо только постоянно подливать масла в огонь, вспоминая былые времена, нахваливая достижения социализма и гневно бичуя капитализм со всеми его пороками и недостатками. Будет двойная выгода – и дело сладится, и копилка новым «сценарием» обогатится.

Подобно всем талантливым людям, Антон Лебедев никогда не останавливался на достигнутом, стремясь к идеалу. Еще Лев Толстой сказал: «Идеал – это путеводная звезда. Без нее нет твердого направления, а нет направления – нет жизни».

«Нет, в случае с Зеленцовой выгод будет не две, а три», – подумал Антон. Ведь вдобавок он сделает доброе дело – обеспечит Инне Семеновне легкую смерть во сне в полном соответствии с ее желанием. Пустячок, а приятно. Приятно чувствовать себя не только успешным бизнесменом, но и гуманистом. А то и больше того – благословляющей рукой провидения.

История четвертая

Синдром отмены

Розенкранц:

Жизнь каждого должна

Всей крепостью и всей броней души

Хранить себя от бед.

Уильям Шекспир, «Гамлет, принц Датский»[11 - Перевод М. Лозинского.]

Ненависть не мешала Владимиру Михайловичу правильно оценивать своего шефа. Таких заведующих еще поискать надо. Чего стоила одна «кормушка», официально – перечень основных направлений научной работы их кафедры! Тут и фармакотерапия артериальной гипертонии, и медикаментозная коррекция аритмий, и фармакотерапия сердечной недостаточности – как острой, так и хронической. А также исследования, касающиеся повышения эффективности и снижения осложнений тромболизиса, фармакотерапия вирусных гепатитов и цирроза печени, медикаментозная коррекция ожирения… Научная работа кафедры охватывала все мало-мальски прибыльные направления.

Но мало заявить, что, дескать, твоя кафедра занимается тем-то и тем-то. Надо еще сделать так, чтобы были реальные возможности проводить эти исследования, а для этого необходимо уметь дружить с множеством полезных людей – начиная от собственного ректора и заканчивая администрацией стационаров, в которых базируется кафедра. А кроме того – обеспечить приток заказов и, разумеется, оплаты за их выполнение.

Со всеми этими задачами Аркадий Рудольфович Лунц справлялся превосходно. Он был из тех, про которых уважительно говорят «золотая голова» и цокают при этом языком. Владимиру Михайловичу под Лунцем работалось в общем-то спокойно и доходно, но… Все-таки было одно «но», вернее, даже два. Во-первых, Аркадий Рудольфович обожал загребать жар чужими руками и беззастенчиво спихивал на подчиненных (и в первую очередь – на своего друга и однокашника Владимира Михайловича Званского) всю «гниль», могущую обернуться какими-либо неприятностями. Владимир Михайлович давно усвоил: если за день до подписания какого-нибудь договора Аркаша внезапно заболевает и передает свои полномочия ему, то следует держать ухо востро. А если Аркаша отдельным приказом возлагает на тебя ответственность за что-то – то надо готовиться к худшему. И вообще – просто так шеф не выпускает из своих рук ничего – ни денег ни полномочий.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод М. Лозинского.

2

«Актив», или «активный вызов» – вызов, который делается не пациентом или его родственниками, а медиками.

3

Вариант инфаркта миокарда, при котором поражение охватывает все слои сердечной стенки.

4

Фибрилляция желудочков – угрожающая жизни форма сердечной аритмии, при которой сокращения отдельных волокон миокарда теряют синхронный характер.

5

Антиаритмический препарат.

6

Десятимиллилитровый шприц.

7

Перевод М. Лозинского.

8

Перевод М. Лозинского.

9

Матф. 7:1.

10

Железобетонных изделий.

11

Перевод М. Лозинского.

Купить: https://tellnovel.com/andrey-shlyahov/chernyy-krest-13-strashnyh-medicinskih-istoriy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити